

Карина Демина

СОВЕТНИК

Карина Демина

Советник

Серия «Я – Миха», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244552
Советник. Я – Миха 3 / Карина Демина: Авторское; 2023*

Аннотация

Удалось выжить и даже устроиться в чудесном новом мире? Да только рано радоваться. Самому миру, похоже, не так долго осталось. Того и гляди падет с небес огненный дождь, изничтожая все живое и пробуждая неживое, а людям до того и дела нет. Маги интригуют, мешки жаждут убавить власти юной Императрице. И что им за дело до Древних с их тайнами, пусть даже где-то среди них затерялась инструкция по спасению мира.

Всего-то и надо, что отправиться в болота к проклятой башне. Пробраться внутрь, желательно не начав новой эпидемии. И добыть нечто, называемое Сердцем Бога. Справятся? А какие тут варианты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	73
Глава 7	87
Глава 8	102
Глава 9	118
Глава 10	129
Глава 11	142
Глава 12	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Карина Демина

Советник

© Карина Демина, 2023

Глава 1

Миха оглядел собравшихся. В голове вертелось... вертелось нецензурное, зато от всей полноты души. И впечатлений.

– То есть, – начал он осторожно, обращаясь к Миаре, которая устроилась в кресле с видом преравнодушным, словно её вот нисколько не волновала грядущая гибель мира да и в принципе ничего не волновало, кроме собственных ногтей. – То есть... вы хотите сказать, что скоро... мы... то есть планета... то есть... один хрен, войдем в метеоритный поток. И по прошлой памяти столь плотный, что...

Он махнул рукой.

И указал на мага.

– Он вообще живой еще?

– Он... мог... ошибиться, – выдавил Винченцо. Стало быть, живой. И как ни странно, это радовало. Не то, чтобы Миха вдруг проникся, но просто радовало. По-человечески.

– Мог, – согласился Миха и все-таки присел.

Ица тотчас вскарабкалась на подоконник и потрогала толстое стекло.

– Продует, – Миха проворчал это для порядка.

И с окнами здешними что-то да надо будет придумать. А то стекла толстенные, мутные и в рамы вставлены какие-то то ли железные, то ли вовсе свинцовые. Ладно, сейчас лето,

а зимой из таких сквозить должно изрядно.

Ица даже не повернулась.

– Ладно, допустим... допустим он был прав. И как я понял, время от времени орбита планеты...

– Что?

– Планеты, – повторил Миха. Слово было... неудобным? Пожалуй. И не сразу понял, что произнес его на русском. Выходит, что в местном языке нет подобного? Или просто словарный запас его слишком скуден? Второе вероятнее. – Небесное тело. Земля, на которой мы находимся.

Он топнул ногой.

– Небесные тела двигаются по орбитам, – Миха дотянулся до стола и подвинул к себе кубок. – Допустим, вот это она и будет. Планеты двигаются вокруг солнца. Солнце – это звезда.

Миара чуть склонила голову на бок.

– Все звезды – это огромные огненные шары, – Миха указал на блюдо с остатками ветчины. – Просто находятся они очень далеко, поэтому и кажутся маленькими.

– Великая п-пустота, – просипел Винченцо, пытаясь подняться. И был ухвачен Миарой за шиворот.

– Лежи!

– Лежу!

– Старательней лежи, – она сунула под спину одеяло. – Если ты опять начнешь помирать, я тебя просто добыю.

Миха ей не поверил.

– Звезды огромны. И свет их способен преодолеть великую пустоту, – сложно говорить о том, о чем у самого смутные представления со времен школы. – Вокруг некоторых звезд вращаются небесные тела поменьше. Планеты.

– Как наша? – уточнила Миара.

– Да.

– Солнце вращается вокруг Мира, – Миара потянулась к кубку. – Это очевидно. В окно выглянь.

– Это иллюзия. Планеты вращаются вокруг звезд, а еще вокруг своей оси. И когда она поворачивается к солнцу одним боком, то наступает день, а когда другим, то там, где был день, происходит ночь.

– Эуфар Моррет об этом писал, – Винценцо ерзал. – Но его доказательства сочли ничтожными. Да и... кому интересны звезды.

И вправду, кому?

– Ты продолжай, продолжай, – Миара добралась-таки до кубка, чтобы двинуть его вокруг тарелки. – Значит, Мир путешествует по одной дороге. По кругу. Год за годом.

– Один оборот и есть год. Условно.

– Какие богатые познания у дикаря...

– Мой дедушка был шаманом, – буркнул Миха. Ица хихикнула и подула на стекло, чтобы потом нарисовать на нем кривую рожицу. То ли чудовище, то ли портрет.

– Это, конечно, многое объясняет.

– Миара...

– Да слушаю я, слушаю.

Слушает. Знать бы, что дальше говорить.

– Но некоторые небесные тела путешествуют по орбитам, которые больше обычных... и не год нужно, чтобы пройти путь, а десять или сто.

– Пятьсот...

– И пятьсот, – согласился Миха, подозревая, что, возможно, он и прав. – И тогда это объяснимо. Вот... допустим...

Миара протянула яблоко.

– Да, допустим у нас есть пояс астероидов...

Правда, не понятно, почему они за столько лет не разлетись по вселенной, а держатся достаточно плотной кучей, путешествуя в великой бездне.

– ...и они идут... вот так...

Яблоко покатилося по столу.

– А потом возвращаются, – Миара поймала яблоко на краю и толкнула обратно. – Навстречу...

Кубок сдвинулся.

– Возможно, что их держит что-то... какое-то другое небесное тело... силой притяжения... комета или бродячая планета.

– И такие есть?

Миха понятия не имел. Но почему бы и нет? В конце концов, маги ведь существуют, может, и бродячие планеты тоже. Чем они, если подумать, хуже?

– Главное, что это тело окружено обломками камней, ко-

которые при сближении под действием силы тяжести устремляются к нашему миру. Часть сгорает в атмосфере, но многие проходят её, чтобы упасть на землю.

– Огненный дождь, – Миара кивнула и обошла стол. – Тогда в этом есть смысл.

Еще бы понять, какой, но Миха дотянулся до яблока и впился в него. Яблоко было кислым до оскомины, но Миха упрямо жевал.

– И у древних, если верить безумному нашему братцу, был способ защититься, – Миара поглядела с упреком. – Яблоко нужно разрезать на части, а потом уже грызть.

– Учту, – буркнул Миха.

А ведь и вправду почти логично. Если под метеоритный дождь планета попадала с завидной регулярностью, то древние, кем бы они ни были, должны были придумать защиту.

Какую?

Пояс из спутников?

Силовое поле, что окутало бы мир? Что-то еще, вовсе уж фантастическое? Хотя что может быть более фантастическим, нежели грядущий огненный дождь?

– Ища? – Миха отвлек девочку, которая, высунув язык, пририсовывала к рожице длинную шею и длинное же тело. – Ты ничего не хочешь сказать?

Она облизала пальцы, чтобы ткнуть в стекло.

– Туда. Надо. Огненный дождь скоро.

То есть надеяться, что катастрофа произойдет через сот-

ню-другую лет, а потому Миха благополучно не доживет до столь печального события, не стоит.

– А что там? – ласково поинтересовалась Миара.

Ица фыркнула.

– Сердце.

– Бога?

– Да.

– И как оно поможет?

– Надо взять. Отнести. Домой. Положить. Алтарь большой. Старый. Долго готовили. Давно.

Понятно, что совершенно ничего не понятно.

– Вообще неплохо бы самим эти записи посмотреть, – Миха догрыз яблоко вместе с сердцевиной. Семечки оказались до того горькими, что скулы свело.

– Согласна. Но я не знаю языка древних. И Вин тоже. То есть настолько хорошо, чтобы понять увиденное. Да и кто нам отдаст? Они наверняка знают, что Алефа больше нет. И...

Миара ненадолго задумалась.

– Теоретически Вин – последний, оставшийся в живых мужчина рода. Законный наследник.

Только вряд ли там, в городе, его ждут с нетерпением, чтобы это самое наследство вручить.

– И если он заявит свои права, Совет вынужден будет подержать.

Розовый ноготок ударил по столешнице. Легонько так. Но

Миха аж подпрыгнул.

– Конечно, при условии, что Винченцо сумеет предстать перед советом...

– Ты хотела сказать «доживет»?

– Именно. А еще продемонстрирует силу. Умения...

– Не доживет, – сделал вывод Миха.

– Скорее всего. Алеф не оставил бы в живых жен Теона, а вот детей, возможно, и не тронул бы. Он был довольно практичной тварью, а одаренные – редкий материал. Тем более дети.

У детей, пусть и не осталось родителей, но имеются бабушки, дедушки и прочие любящие родственники, которые не откажутся пригреть сиротку. Особенно, если вместе с сироткой получится пригреть и кое-какое особо ценное имущество.

Имущества же, как подозревал Миха, хватит, даже если его разделить на всех сироток.

– Но у Алефа тоже были жены... и уж они-то не допустят... конкуренции.

Мир здесь все-таки дерьмовый. Даже отвлекаясь от грядущего апокалипсиса.

– Детей Теона в живых не оставят. Или возьмут в заложники, чтобы договориться. Старшая жена Теона была из рода Ашшар. А они довольно мстительные. И малочисленны... может, и не рискнут убивать? Детей. А если Вин заявит права, они объединятся.

– Как? – уточнил Миха.

– Муж погиб. Клятвы остались. Жены будут верны роду, но клятвы не помешают написать письмо, скажем, отцу. С просьбой о помощи. Слабой женщине тяжело одной в этом ужасном сложном мире, – Миара откровенно издевалась. – И тогда в башню пришлют кого-нибудь из родни.

– Одной уже прислали, – Миха поскреб спину. – Ладно. Суть я уловил. Они или сожрут друг друга, или сперва объединятся, чтобы убрать лишних. Лишнего.

Винченцо прикрыл глаза, притворяясь умирающим.

– Соваться ему в город нельзя... – мысль крутилась в голове. Какая-то такая на диво удачная, но ускользающая. Вот же... – Тебя, как понимаю, отправлять бесполезно.

– Скорее бессмысленно. Женщина не может выступать главой рода.

Это они, конечно, зря.

– Целитель – ценный трофей, – сказал Винченцо, по-прежнему не открывая глаз. – Её просто-напросто запрут. Выдадут замуж. И...

– Не поеду я туда, – Миара вернулась в кресло.

– Хорошо. Насколько вы опасны для них?

– Не знаю, – Миара чуть поморщилась. – Можно, конечно, обратиться к вассалам. Потребовать исполнения клятвы. Написать письма союзникам. Пообещать что-нибудь... и на встречу пойдут. Но это будет означать долги. Такие долги возвращают столетиями.

– То есть, победить у вас не получится, но проблем доставить вы способны?

– Именно.

– Тогда надо написать письмо.

– Кому?

– Кто там за главного?

– Полагаю, Ахбет. Это мать старшего сына Алефа. Она не слишком умна, но за ней стоит род Ульца, а они весьма сильны и уважаемы.

– Не важно. Надо... – Миха встал и заложил руки за спину. – Надо написать ей, что вы готовы договариваться. Скажем, Винченцо отречется от власти в пользу этого вот наследника.

На него поглядели с интересом.

– От власти не отрекаются, – уточнила Миара.

– Это вас просто еще не прижало по-настоящему. Надо донести до нее и тех, кто стоит за ней, простую мысль, что дружить – лучше чем воевать.

– И это ты считаешь простой мыслью?

– Не перебивай. Надо дать понять, что вы можете доставить неприятности. И тогда вся эта возня с наследством затянется. Особенно, если ты вдруг решишь поддержать другого наследника. Или другой род.

– Не думала, что дикари настолько коварны.

А глаза блеснули. Явно уже сочиняет письмецо.

Пускай.

– И потребовать... сделки. Пусть доставят тот аппарат, пластины, что-нибудь еще... да, пожалуй, может и получить-ся. Но они все одно не отстанут. Пока Вин жив, есть опасность, что он вернется и заявит свои права.

А кому это надо?

Правильно. Никому не надо.

– Только если... – она прикусила губу. – Но уже довольно давно никто не заявлял об отсечении.

– Чего?

– Раньше. Сотни лет тому. Когда род становился слишком большим, то младшие ветви отделялись. И основывали собственные дома. Сейчас можно получить право на башню, и только. Но род. Герб... Совет не слишком обрадуется.

– И им напиши, – предложил Миха. – Объясни, что новому роду – новые земли, что вы не претендуете на возвращение, башни эти...

– Нас сочтут безумцами.

– Пускай. Главное, чтобы под ногами не мешались.

– А это вряд ли, – Винченцо пошевелил пальцами. – Уничтожить попытаются. На всякий случай.

– Но не сразу, – Миара встала. – Пожалуй, в этом есть смысл... пока будут решать дела с наследством. Это их займет. Улыба придется договариваться с Михарами, да и дети Теона... для них потребуют малую долю. С этой долей не согласятся представители других родов. Плюс остальные ба-старды... маги – это ценность, стоят дорого. А ведь не толь-

ко одаренные, есть еще артефакты Алефа. Лаборатории. Мастерские. И многое, многое...

Отлично. Чем больше имущества, тем надольше затянется дележка.

– Твое прошение должны будут рассмотреть в Совете, и уже, что Ульца, что остальные костыми лягут, чтобы это прошение удовлетворили. И Советники это знают, а стало быть, будут торговаться... потом уже поздняя осень. И зима. Зимой никто не ходит воевать.

– Почему? – удивился Миха.

На него поглядели, как на идиота.

– Холодно, – сказала Миара. – Очень.

Аргумент, однако.

С другой стороны, что Миха знает о здешних зимах?

– До весны дотянем, – Миара потерла щеку. Раны на коже её почти затянулись, оставив, правда, мелкие следы, словно ямки. – А там, глядишь, огненный дождь начнется...

И всеобщий апокалипсис.

Чудесная перспектива, если подумать.

– Запасы, – Миха тоже поднялся. – Надо сказать, чтобы подвалы в порядок привели. И рассказать придется. Обо всем. Баронессе. Джеру. Пусть наведут порядок в замке. Зерно стоит закупать. И не только его. Мясо. Соль. Орехи.

Мать его, что еще можно заготовить так, чтобы прокормить людей?

И скольких людей?

Как рассчитать, что понадобится? В каком количестве? Ведь не факт, что... даже скорее всего не получится...

– Огненный дождь длился дюжину лет, – сказала Миара, отводя взгляд. – По одним летописям.

– А по другим?

– Дюжину дюжин.

– Первый вариант мне нравится больше.

Она прошла мимо, подобрав полы длинного темного одеяния. И темнота его подчеркивала неестественную бледность кожи. Да и сама магичка изрядно похудела.

Изменилась?

Не стоит обольщаться.

– Сердце, – Ица создала на стекле рисунок. Теперь над чудовищем поднималась пирамида. – Нам нужно найти сердце бога.

– Найдем, – вздохнул Миха. – Куда мы, нафиг, денемся-то?

Глава 2

Верховный жрец опустился на колени перед девочкой, которая раскладывала по полу золотые монеты. Их принесли в сундуках, и сундуки теперь стояли раскрытые. Девочка брала монетку, крутила в пальцах и клала на пол.

Узор, ею создаваемый, несомненно, был странен.

Но еще в нем виделся какой-то скрытый, недоступный пониманию простого смертного, смысл.

– И давно она так? – тихо спросил Верховный, когда колени заныли. А дитя и головы не повернуло. Оно выглядело всецело увлеченным странным этим занятием.

Что пугало.

– С рассвета, – столь же тихо ответила Ксочитл. – Она поднялась и потребовала... золото.

– Просто золото?

– Ей принесли золотой песок, слитки и монеты. Выбрала их.

Тонкие пальчики ныряли в золотую гору. И девочка замирала. Потом зачерпывала монеты, поднимала руку, позволяя им скатываться сквозь пальцы. А потом из оставшихся на ладони выбирала одну. Прочие летели в сундук.

Монета же занимала место в рисунке.

И все повторялось.

– Она ничего не ела и не пила, – пожаловалась Ксочитл,

прижимая руки к щекам. – Когда же я осмелилась проявить настойчивость, то она просто... просто...

Ксочитл протянула руку, на которой виднелись синие отметины.

– Тогда я решилась обратиться к вам, господин.

– И правильно сделала. Кто-нибудь еще знает?

– Брат, – она потупилась, а на щеках женщины вспыхнул румянец. – Он... велел сообщать... он не причинит зла.

– Не сомневаюсь, дитя, – Верховный говорил ласково.

– Вы не сердитесь?

– Нет.

Он и вправду не испытывал ни злости, ни раздражения, ибо с самого начала было очевидно, что привели эту женщину не только затем, чтобы приглядывала она за юной Императрицей.

Вернее сказать, что говорить об увиденном она будет не только Верховному.

– Мага надо позвать, – Верховный провел ладонью перед глазами ребенка, но та будто и не заметила. – Весьма похоже на какой-то транс, но...

Монета.

И еще монета.

Девочка чуть приподнимается, чтобы дотянуться дальше. Губы её плотно сжаты. Выражение лица сосредоточенное. И ощущение такое, что она где-то весьма далеко.

Монетки становятся друг на друга... и что-то рисунок их

напоминает.

Что-то донельзя знакомое.

Верховный поднялся не без помощи.

– Я опасаюсь за её здоровье, – пожаловалась Ксочитл. – Она ведь еще маленькая, и болела так долго.

Её волнение было искренним.

Впрочем, не только её. Маг. Нужен маг. Если это последствия наложенных заклятий, то... то что делать? Они не могут позволить себе остаться без Императрицы. Это породит смуту.

Все слишком зыбко. И недовольство в Совете зреет.

Маг явился быстро.

Поклонился.

Огляделся. И решительно шагнул к ребенку, чтобы опуститься перед ним на колени.

– Что с ней? – спросил Верховный, но маг лишь поднял руку.

Несколько невероятно долгих мгновений он просто вглядывался в лицо Императрицы, покрытое толстым слоем золотой краски. А потом сказал:

– Её надо вымыть.

– Невозможно...

– Вымыть. И поскорее.

– Воду, – распорядился Верховный, а маг, не дожидаясь, пока подадут нужное, дотянулся, коснулся пальцами щеки и, собрав краску, – на щеке остались некрасивые проплешины

– поднес к носу. Вдохнул.

Нахмурился.

И лизнул.

Нахмурился еще больше. И... яд? В священной краске, которую готовят в храме? И наносят на кожу Императрицы, дабы уберечь её от солнца? Невозможно? Или все-таки... даже Храму нельзя верить.

А кому можно?

Воду Ксочитл поднесла сама, и с нею – мягкие полотенца. На поверхности воды плавали лепестки роз, да и сама она наверняка была сдобрена каплей цветочного масла.

Но это не имело значения.

Маг бросил полотенца в воду, притопив рукой. А потом, не отжимая, просто вытащил одно, ставшее похожим на тряпку. И им стер краску со щеки. И потом с другой.

С рук, поймав сначала левую, потом правую. Он стирал и размазывал остатки, и бледное золото выделялось искрами на смуглой коже.

Императрица будто и не замечала ни воды, стекающей по лицу, ни промокшей одежды, ни этих оскорбительных прикосновений. Её по-прежнему увлекали монеты.

– Сменить, – жестко велел маг. А девочка подняла-таки голову, уставившись на наглеца угольно-черными совершенно безумными глазами. Губа её дрогнула, а из горла вырвался низкий вибрирующий звук.

– Тише, – маг перехватил руку, не позволив тонким паль-

цам сдавить запястье. – Сейчас пройдет... слышишь меня? Слушай меня. И только меня.

Он поднял вторую руку, и Верховный понятиливо кивнул. И сам прижал палец к губам, заставив Ксочитл замолчать. Она явно желала возмутиться.

– Я здесь... рядом... слышишь?

– С-лы-ш-ш-шишь, – отозвалась девочка или... нет. Голос низкий, шипящий, явно нечеловеческий.

И от этого страшно.

Верховный огляделся. Нет, никого нет.

Умница Ксочитл давно отослала и слуг, и рабов, еще когда поняла, что монеты – это не только игра.

– Хорошо. Кто ты?

Губы девочки раздвинулись в улыбке.

– Имя! – потребовал маг.

– Имя, – отозвалась девочка. – Имя, имя, имя...

Она вдруг начала раскачиваться из стороны в сторону, с каждым движением все сильнее. И скоро вовсе упала, а монеты разлетелись, смешался рисунок. Хрупкое тело заметалось по полу, из глотки вырвался вой, сменившийся протяжным рычанием.

– Имя! – маг не выпустил руку, хотя дитя изогнулось совершенно уродливым образом. И кажется, Верховный услышал, как трещат кости. – Иначе я прогоню тебя так, безымянный.

– Сил не хватит, – совершенно спокойно отозвалась та,

что была Императрицей. И все-таки не она.

– Хватит. А если нет, то займу. Здесь же, если подумать, силы довольно. Велю поднять нас на пирамиду...

Существо дернулось.

– Ты там бывал, – сообразил маг.

– Я там умер! – взвыл он.

– Бывает, – мага услышанное, кажется, нисколько не впечатлило. – Оставь ребенка.

– Нет!

– Уходи.

– Ты не понимаешь!

– Не понимаю.

– Я должен сказать! Должен!

– Говори.

– Время уходит!

Верховный с трудом удержался, чтобы не влезть в столь занимательную беседу.

– Пролитая кровь возопит об отмщении! И небеса извергнутся огненным дождем.

Девочка вдруг дернулась и опала, будто из тела её разом вытащили кости.

Взметнулись руки Ксочитл, закрывая рот, запирая в нем крик ужаса. Покатались по полу золотые монеты, и Верховному подумалось, что все-таки он уже видел когда-то нечто похожее. Но где?

– Все, – маг выдохнул и на четвереньках подполз ближе

ребенку, чтобы прижать пальцы к её шее. — Она просто спит. Надо... надо напоить её. Водой. Чистой. Понемногу. Совсем понемногу, иначе тело извергнет жидкость, но постоянно.

— Принеси, — Верховный поглядел на Ксочитл, которая молча поклонилась.

И ушла.

Умная женщина. И понимает все верно.

— Что с ней? — Верховный не сразу решился задать вопрос. Он смотрел, как маг ощупывает тело, такое хрупкое. И еще думал, что за подобную вольность во времена былые магу отрубили бы руки, а потом и ноги, если не хуже.

И след на отливающей золотом коже, след прикосновения темных пальцев, чужих пальцев, взывал об отмщении.

Если кто узнает...

— Уже ничего. Сон... она будет ослабевшей. Часа через два надо выпаивать бульоном. Сперва слабым, но попозже — крепким. Из еды — каши, но очень хорошо разваренные. Приправить можно медом. Немного масла. Но немного. Слишком жирная пища не для неё сейчас.

Он поднялся и поднял тельце на руки. Кое-как дернул плечом, пытаясь пристроить голову, которая опасно запрокинулась. И Верховный, словно очнувшись, бросился помогать.

Девочка была теплой, даже горячей.

И дышала.

Пусть слишком быстро, как после долгого бега, но все же

дышала. Сердце... он поймал руку и с облегчением ощутил биение кровяной жилки.

Девочку маг отнес в её покои, уложил на кровать и сказал:

– Её надо омыть полностью, чтобы ни капли этой дряни не осталось.

И когда появилась Ксочитл, повторил, медленно и спокойно. Женщина посмотрела на Верховного и тот кивнул, подтверждая, что указания мага надлежит исполнить.

– Я загляну после, – тот оказался в достаточной мере сообразительным, чтобы отступить и отвернуться, когда Ксочитл принялась разоблачать Императрицу. – Пока же...

– Побеседуем?

– Именно.

Усыпанный золотыми монетами пол производил угнетающее впечатление. Некоторые башенки уцелели, как и пре-
странное сооружение, отдаленно напоминающее пирамиду.

Или пирамида и есть? Но из монет её нельзя изобразить точнее.

Тогда... тогда линии, берущие начало от стен её, это дороги.

Остальные – город?

Весьма на то похоже. Нет, не весь. Весь бы не влез, даже с учетом того, что покои Императрицы велики, а сундуки полны на две трети. Да и в казне имеются еще, хватило бы, но... нет, это другой город.

– Вы что-то видите?

– Пирамиду, – Верховный указал на золотую гору. – Это пирамида.

– Храма?

– Полагаю, храма еще нет, – он вдруг явственно осознал, что именно она выстроила. – Это Великая пирамида. Та, что была воздвигнута первой. Та, которую скрепили кровью и силой. Та... что знаменует договор между людьми и богами.

– Она сохранилась?

Все-таки маги были людьми черствыми, не способными ощутить тонкость момента.

– Вполне. Но подняться на её вершину может лишь тот, в ком есть кровь первого Императора, – сказал Верховный, чувствуя, как холодеет внутри.

– Ясно. То есть, не совсем, но, полагаю, вам это послание куда понятнее, нежели мне.

– Послание?

– Вне всяких сомнений. И вы сами это понимаете. Поймите, если сумеете переступить через предубеждения и страх. А вы сумеете. Вы весьма интересный человек, – маг склонил голову. – Что же до остального, то дитя лишь вошло в транс. Это состояние, когда пред человеком открываются тонкие пути, их еще именуют сокрытыми. По правде говоря, они плохо изучены, поскольку давно научно доказано, что будущего как такового, предначертанного, не существует. Следовательно, существование провидиц ненаучно.

Маг вытянул руки. Пальцы мелко подрагивали.

– А вы сами...

– Считаю ли я существование провидиц ненаучным? Как и само прозревание будущего? Не знаю. Это... и вправду ненаучно, однако я давно уже пришел к выводу, что далеко не все объяснимо с точки зрения науки. Госпожа Миара обладала сходными способностями. Она могла призвать дух, но... работа с духами – материя... тонкая. Весьма. И не всегда выходит, да... да и пользы немного. Эту способность не развивают, наоборот... но иногда она сама проявляется. И весьма сильно. Госпожа, случилось, впадала в транс.

Он потер руку о руку.

Пальцы отчего-то покраснели, а ногти наоборот будто си-
невой отливали.

– Она говорила с духами?

– Кто? – маг встрепенулся. – Простите. Задумался. Транс – состояние малоизученное. Человек, в нем пребывающий, разумом находится в каком-то ином месте. Он не видит, не ощущает собственного тела. И тело это, оставленное, тоже не испытывает желаний. Если о таком человеке не позаботиться, он умрет от голода и жажды, не способный их испытывать. Господин... проводил опыты. Нет, нет, не над дочерью. Он не стал бы ею рисковать без нужды. Но вот есть средства... зелья, которые способны ввести в транс человека обыкновенного.

– Краска? – Верховный сдерживал раздражение. К чему эти многословные объяснения, если суть в том, что дитя

отравили.

Маг продолжал тереть пальцы, сосредоточенно.

– Зелья усыпляют разум, отделяя его от тела. Правда, если человек не имеет дара, то вернуть разум в тело уже невозможно. Но к счастью, дитя даром обладает. Не могу сказать, своим или заемным, главное, что он есть. Это её и спасло.

Снова.

Кто?

Верховный выяснит.

– Эта краска... что в ней? – уточнил маг.

– Золото. Травы. Жир. Говоря по правде, – признаваться в том было стыдно, но молчать Верховный не имел права. – Я не знаю точно. Краску готовят при Храме. Готовили всегда. Специально обученные рабы. И Хранители традиций.

– Возможно, в том не было злого умысла, – маг с раздражением встряхнул руками. – Все дело в травах. Есть те, что ослабляют связь души и тела. Человек взрослый и не заметил бы... взрослый и здоровый, не имеющий нужной склонности. А вот если дитя... одаренное дитя, которое долго болело, которое находилось под воздействием проклятья. И продолжает находиться под влиянием магии. Сложной. Смешавшейся и, полагаю, преобразившейся... если это дитя ко всему обладало природным даром, а так оно должно бы быть, иначе не сумела бы она выжить, то получаем... возможно, исключительно предположение мое...

– Говорите уже, – устало произнес Верховный.

– Иногда... некоторые исследователи отмечали, что объекты, подвергшиеся мощному направленному воздействию, впоследствии получали чрезвычайную чувствительность к магии. Полагаю, она и имела место. Травы... я ощутил характерный запах калужницы и темного иссопа, а это основные компоненты для зелий разума, так вот, травы впитались в кожу девочки и попали в кровь. А уж её слабость, её способности и все прочее...

Маг просто развел руками прежде чем спрятать их в широкие рукава.

– Извините. Это нервное.

– Допустим, – объяснение Верховного устраивало. Нет, он спустится в мастерские и лично проверит краску, которую готовили для Императрицы. И виновные будут наказаны.

Даже если их нет.

Проще объяснить попытку убийства, нежели внезапно проснувшиеся способности.

– А голос? Тот, чьим голосом она говорила? Это был человек?

– Возможно. Человек. Дух. Или же иной разум. Или же... иногда случается, что собственный разум человека создает иную личность.

Верховный чуть склонил голову.

– Мне приходилось встречать того, в ком сосуществовали несколько... душ? Сознаний? Не суть важно. Главное, что это существо ушло.

– Вернется?

– Нет. С... теми, пред кем открыт тонкий мир, подобное бывает, особенно, если дар прорывается. Я приготовлю зелье, которое успокоит сознание девочки. Но важно также избегать... потрясений. Или же воздействия... иных средств.

– Краски?

– Именно.

– Императрица не может заболеть. Не сейчас.

– Это не болезнь, – маг покачал головой. – Она не только и не столько Императрица, сколько ребенок, которому нужно оправиться от болезни.

– Я услышал, – Верховный склонил голову. – И я благодарен. И буду благодарен.

– Не сомневаюсь.

Позже, вернувшись в собственные покои, Верховный сядет перед окном. Он закроет глаза, отрешаясь от внешней суеты. И пред внутренним взором его встанет сизая пирамида.

Она, укрытая в тени Храма, почти сроднившаяся с этой тенью, избегала и людей, и даже взглядов. И ведь не раз и не два видел Верховный, как даже рабы, спеша по делам своим, обходят её стороной. Она была. От исхода времен была. И все же...

...надо написать Нинусу.

Или послать кого по следу. Но кого? Кого-нибудь. Найти.

Если все так, то... возможно, дитя священной крови им все же понадобится.

Правда, пока не ясно, для чего.

Глава 3

Баронесса глядела на Миху с печалью. И под взглядом её он несколько терялся, впрочем, не только он. Вот баронесса вздохнула. И Джер тоже, только тише и, как почудилось, не совсем искренне.

– То есть, – уточнила она, – вы полагаете, что весьма скоро исполнится предсказание Анноры? И небеса вновь прольются огненным дождем?

В её исполнении это прозвучало весьма по светски. Так и захотелось шаркнуть ножкой, приложиться к бледной ручке и заверить, что все будет именно так.

– Что за предсказание? – уточнил Миха.

Вдруг да там что-то полезное предсказали?

– О конце света, – Джер тотчас развеял надежды. – О том, что однажды грехи людские отвратят богов от них. И те, в гнев своем, обрушаться на мир. Небеса загорятся. Огненный дождь пройдет по земле, и не останется никого живого.

Да, за оптимизмом и надеждой – это не к предсказателям. Определенно.

– Примерно так, – Миха почесал себя за ухом. – Но тут может, и выживем. Есть шанс. Надо сделать запасы. Еды. Воды. Всего запасы.

И неплохо бы развернуть гидропонные фермы. Конечно, полностью перейти на гидропонику не получится, не те тех-

нологии, не тот уровень развития и собственные Михи познания слишком уж обобщенные. Но вот хотя бы частично.

Скажем, пара бассейнов с водорослями.

А их уже будет жрать скот.

И... и будет ли? Да и сколько коров можно прокормить таким образом? Нет, все это, что мертвому припарки.

– Сколько у нас времени? – баронесса явно решила в панику не ударяться. – Урожай только начали снимать. Сперва зерно, позже – репа и капуста, это вовсе ближе к заморозкам. Зерно еще высушить надо. Обмолотить. Или наоборот?

Она ненадолго задумалась.

– Твой отец как-то упомянул, что в замке может укрыться тысяча человек, настолько велики его подземелья. Но...

Миха понял.

Укрыться на недельку-другую – это одно. А сколько продлится метеоритный дождь? Эту тысячу ведь кормить чем-то надо. И поить. И гадить они станут, а человеческое дерьмо – отличный источник всякой заразы. Хотя, чего уж тут, не только человеческое.

– Все равно, – Джер дернул головой. – Надо сказать, чтобы зерно не продавали на сторону.

– Распоряжусь. Но этого будет мало. Пошлем обозы в город, но опять же, не сейчас. Сейчас если что и продадут, то старое и по завышенной цене. Надо ждать сбора урожая.

И на Миху посмотрела.

А что он?

– Небо пока чистое и... не думаю, что все будет в один миг.

От астрономии Миха по-прежнему далек, но вот что-то подсказывало, что войти в пояс астероидов планета будет постепенно.

– Значит, какое-то время у нас имеется.

– Имеется. Может даже не один год, – Миха поерзал. – Если повезет.

Если очень уж повезет, то на тех самых болотах, возвращаясь на которые ему категорически не хотелось, он найдет чудо-кнопку, заботливо оставленную Древними для потомков. Нажмет её и спасет этот гребаный, наизнанку вывернутый мир.

– Мой покойный супруг, – губы баронессы чуть дрогнули. – Часто повторял, что на везение рассчитывают лишь неудачники.

Она поднялась.

– Я напишу отцу, если вы не возражаете. И Совет... новость такова, Джер, что тебе стоит обратиться к Совету. Правда, не уверена, что они послушают, но повод собраться будет. С другой стороны, если обратиться сейчас, цены на зерно взлетят. И не только на него. Люди, может, и не поверят всецело, но опасения возникнут. А значит... в Совет отпишем чуть позже. После урожая. Раз уж время есть.

– А если, – Джер глянул на Миху в поисках поддержки. – Если времени не так много? Если все случится раньше, чем

они соберутся?

— Тогда, думаю, они и сами вспомнят о предсказании Анноры.

Баронесса взяла в руки книгу в темной обложке.

— А тебе стоит жениться.

— Мама!

— Ты единственный наследник, дорогой. И твой наставник согласен.

Миха на всякий случай кивнул. Не то, чтобы он был так уж согласен, но возражать баронессе сейчас явно не стоило.

— Мир на краю гибели!

— Вот именно. Мир на краю гибели, а у тебя ни одного наследника! Даже бастардами не обзавелся.

Уши у Джера покраснели, да и кончик носа тоже.

— Я понимаю, что твоя невеста еще не достигла женского возраста, но... она ведь не одна.

— Я слово дал!

— И никто с тем не спорит. Де Варрены всегда держат слово, — почему-то в словах баронессы почудилась насмешка. — Однако сейчас особые обстоятельства. И да, ты ведь не обещал, что она будет первой женой.

— Чего ты хочешь?

— У моего дорогого брата остались две дочери.

Наследницы.

— Старшая уже в нужном возрасте и вполне способна произвести дитя. Да и сама девушка мила, скромна, воспитана.

– А еще имеет права на замок? Так?

Баронесса пожала плечами. Мол, лишний замок в хозяйстве всегда пригодится.

– Мама... это просто...

– Невозможно, – подал голос Миха, за что и получил недовольный взгляд. – Слишком близкое родство.

Джер выдохнул и с явным облегчением.

– Мой отец взял в жены свою кузину, а до того его отец...

– Именно. И если Джер последует их примеру, то дети его родятся уродами, – Миха поднялся. – Если вам так охота его женить, то пускай. Но выберете уж тогда кого-нибудь... поздоровее, покрепче и не близкую родственницу.

Сказал и удалился.

Быстро.

Пока баронесса не пожелала еще какого-нибудь совета испросить.

Во сне Винченцо снова горел. Жар исходил изнутри, грозя испепелить, и кажется, легкие плавилась, ребра готовы были потечь раскаленным металлом. И когда он уже почти-почти вспыхивал, чтобы превратиться в пепел, сон отступал.

И Винченцо осознал себя, настоящим, лежащим в постели, промокшей от его пота.

Он хватал воздух губами и давил в себе крик.

Снова.

И опять. И даже когда он честно пытался удержаться на

границы, все равно засыпал, выпуская огонь из-под контроля. А потом просыпался.

И в очередной раз он просто повернул голову, вцепившись в подушку зубами. Именно тогда на лоб легла ледяная ладонь.

– Плохо? – темнота скрывала Миару, но Винченцо узнал её голос. И едва не расплакался от облегчения, от осознания, что он не один. – Ты горишь весь. Лихорадка?

Рука не убиралась, и держала его в сознании своим холодом, силой, что пробиралась сквозь нее. Винченцо закрыл глаза.

В груди болело.

Тело болело.

Особенно ноги. Сейчас он ощущал их, каждый треклятый осколок кости, который составили, притянули силой к другим, но не срастили.

Рука убралась.

– Не уходи, – если бы он мог, он бы поймал Миару. Усадил бы рядом. Просто так. Просто, чтобы сидела. Но сил не было даже на то, чтобы приподняться.

– Куда я от тебя уйду, – её рука скользнула под голову. – Это просто лихорадка. Ничего серьезного. Тело слишком пострадало, вот и отвечает. Пей.

В рот полилось что-то горькое и мерзкое до того, что каждый глоток приходится делать усилием воли. Но он глотает. Лишь бы не ушла. Лишь бы задержалась, пусть даже нена-

долго.

– Ты...

– Я сейчас, – она сняла одеяло. – Ты весь вымок. Надо раздеться. Будет неприятно. Повязки тоже сменю, насквозь... вот почему ты просто не сбежал, а?

– Н-не знаю, – от горечи губы онемели. И язык с ними.

Миара стянула с него рубашку, и это тоже было больно. Кожа, кажется, натянулась, и Винченцо ощущал её, тончайшую пленку, готовую лопнуть.

– Давай-ка... нет, простынь я с тебя не стяну.

– Позови.

Должны быть слуги. Рабы. Кто-то, кто поможет.

– Позову, – ладонь снова коснулась лба. – Ты только не вздумай...

Он не дослушал, опять проваливаясь в наполненную болью и огнем бездну. И в ней уже почти сгорел. Привычно даже, если подумать. Правда, на сей раз пламя обнимало нежно, лаская, и боль сгорала раньше, чем сам Винченцо.

Она отступала потихоньку, оставляя место для странных мыслей.

Он глава рода?

Может стать, если захочет... хочет ли? Когда-то мечтал. Робко, потому что это были очень опасные мечты. Узнай кто о них, и Винченцо не дожил бы до рассвета. Сейчас он, кажется, тоже не доживет, а потому можно мечтать смело.

О том, как он вернется в город.

И главный смотритель башни поклонится, признавая право. И как он войдет в эту башню, поднимется по лестнице, уже не презренный бастард, один из многих, а как глава великого рода.

— Глава, глава... пей, — донеслось сквозь пламя. — Будешь сжимать зубы, я их тебе выбью.

Она всегда отличалась заботой и нежностью.

Миара.

Бледная девчонка в темных одеждах.

...иди сюда, я тебе что-то покажу. Видишь?

Птица на ладони. Махонькая. И перья радужные. Такие есть у невесты старшего брата. Их привезли в золотых клетках и Вин смотрел, как одну за другой клетки вносят в башню.

— Откуда она?

Миара смотрит с жалостью.

— Болела. Вот и выбросили. А я взяла и теперь у меня будет своя птица, — она гладила хрупкое тельце осторожно. — Хочешь потрогать?

Вин прикоснулся к лазоревым перьям. И птица чуть дрогнула. Было слышно, как мелко и часто стучит её сердечко.

— Только ты никому не говори, — Миара прижала сложенные вместе ладони к груди. — А то отберет. Она мне не нравится.

Вин кивнул на всякий случай. С Миарой лучше было соглашаться. Да и будущая супруга брата ему тоже не слиш-

ком нравилась. Красивая, конечно. И богатая. С ней пришел целый караван големов, груженных не только клетками. Уже целый день рабы только и делают, что вносят в башню вещи. Мебель.

Кованые заговоренным железом сундуки. Зеркала столь огромные, что одно даже не прошло по лестнице и пришлось поднимать через окна.

Птица шевелится в руках Миары.

– Мы пойдем, – говорит она. – Ты... потом... вечером загляни. Хорошо?

– Я принесу тебе яблоко.

Миару наказали. Вин не знал, за что. Это и не было важно. Наказывали часто, его едва ли не чаще прочих, но сегодня – редкий случай. Он заслужил награду.

Вечером.

Он вернется вечером. Он знает, как пробраться на пятый уровень, где покои Миары. Не только её, конечно, но остальные ему мало интересны.

И пробирается.

А она плачет.

– Птица? – Вин сразу понял, в чем дело. – Это не я! Силой клянусь.

– Дурак, – Миара мигом успокоилась.

Она уже понимала, что слезы нужно прятать.

– Это все Хейхо, служанка... донесла... и не отцу... ничего, я ей устрою... им всем устрою.

Вин протянул яблоко. Удалось стащить два, но одно он сразу съел, а второе вот отдал.

– Спасибо, – Миара вытерла почти сухие щеки. – А она её убила.

– Кто?

– Эта тварь, невеста Теона. Взяла и... сказала, чтобы я не смела трогать её вещи.

Хейхо погибла через месяц. С лестницы упала. То ли голова закружилась, то ли еще что. Служанки у Миары менялись часто.

Птиц же ей отец подарил.

Позже.

Когда она заболела. Целители тоже болеют, особенно, если их до дна выпить.

– Бредишь, – сказали ему ласково. – Ты спи... и не вздумай умирать, слышишь? Я тебе запрещаю!

Винченцо постарается.

Кто-то забрался в постель и лег рядом, такой упоительно холодный, что сила и пламя сами к нему потянулись. И поняли – Миара.

И успокоились.

И...

Он слышал, что перед смертью в памяти многое всплывает, но вот чтобы настолько... и главное, как все запутано.

Последний разговор. И отец. Винченцо не скучает. Наоборот. Он рад, что вырвался. Только отец умер. И пламя го-

рит, обжигает. И кажется, Винченцо готов кричать, предупреждая криком об опасности.

Мертвеца?

Брат.

Алеф. Ходит по палатке. Говорит. Вдохновенно. Уверенно. Он мог бы и не требовать, не пытаться подчинить. Мог бы просто написать, если уж знал, где они с Миарой. Он бы сам не справился. И должен был бы понять. Он ведь умный.

Был.

А потом умер.

Все умерли. И Винченцо тоже на очереди. До утра он не дотянет. А поэтому можно смотреть.

Теон.

Всегда был ублюдком. Образно говоря. Вечно следил. Приглядывал. Приглядывался. И никогда не упускал случая напомнить, что он законный сын, в отличие от Винченцо.

Учил.

Как он сам понимал учебу. Главное ведь, чтобы не до смерти.

Пожалуй, Теона Вин ненавидел больше остальных. И не жаль, что он умер. Нисколько... а кого жаль? Птицу. Ту крохотную птицу, что уместилась меж детских ладоней Миары. И саму Миару.

Себя.

Еще... кого-то...

Дышать тяжело.

– Не смей! – на грудь падает гора. И выбивает остатки воздуха. – Слышишь, ты... ты обещал! Ты поклялся, что не бросишь меня!

Он пытается.

Но остаться так сложно. Да и мертвецы обступают. Когда Вин убил первого? Кто был первым... раб. Да, это всегда раб... ритуальная комната. Человек, растянутый на алтаре. Отец спокоен. Алеф равнодушен. Но сквозь равнодушие проскальзывает легкая тень недовольства. Его дело важнее какого-то там ритуала, не говоря уже о мальчишке, который должен показать, чему научился.

Что достоин.

Теон стоит в углу. Он прислонился к стене, и свет жаровни, поставленной перед ним, раскаляет воздух. Отчего кажется, будто фигура Теона размыта.

– Иди, – отец подталкивает в спину.

И страшно.

Так страшно.

Но Вин делает первый шаг. А потом еще один. Раб одурманен. Отец говорит, что в нынешнем ритуале нужна лишь сила, а потому нет нужды мучить кого-то. Ритуал – лишь способ. Неприятный, но необходимый.

Голос, кажется, снова звучит в ушах.

Раз за разом.

Шаг за шагом. Ближе. Грудь человека блестит от пота. И знаки размыло. Надо повторить рисунок. Руки собственные

дрожат и клинок ходит ходуном. Острые его касается кожи, пуская первую кровь.

Винченцо уже приносил жертвы.

Кур. И свиней. Но человек – это другое. Или... дрожь уходит, а руки движутся, повторяя узор, который Винченцо не раз вырезал на свиной коже. Может, человек и другое, но не настолько.

Последняя точка.

Удар.

Главное, попасть между ребер и не задеть грудину. У него получается. И раб умирает быстро. А Винченцо успевает уловить эхо силы. Слегка вздрагивают огоньки свечей. Морщится Теон. А Алеф сухо произносит:

– Эффективность близка к нулевой. Это просто бессмысленный расход материала.

Тогда не понятно, о ком он говорит.

Тогда Винченцо испытывает лишь радость. Безумную дикую радость. У него получилось. Сумел. Сделал все правильно.

А осознание приходит позже.

И уже он пытается спрятать слезы. А Миара смотрит. Сверху вниз. С откровенной жалостью. Смотрит и ничего не говорит. Но в какой-то момент легкие её руки ложатся на плечи.

Этого достаточно, чтобы слезы высохли.

Почему... почему он вспомнил?

Потому что умирать пришлось?

Пускай себе. Ему... да, жаль этого раба. И других тоже. Тех, кто погиб на алтаре в тщетной попытке повторить какой-то там эксперимент. И тех, что остался в лабораториях.

Себя тоже жаль. И жалость острая, терпкая.

Её хватает, чтобы глотать слезы. И какую-то отраву, которую ему скармливают. Миара? Кто еще... пусть бы уже бросила. Умирать не страшно. Страшно жить чудовищем. А он и есть чудовище.

И она.

И все они.

– Ты должна что-то сделать! – пламя успокаивается, позволяя Винченцо слушать. – Ты же можешь! Ты же поставила ему сердце! А теперь он умирает! И я ничего не способна сделать! Ты... ты ведь...

– Спи, – говорят Винченцо.

И пламя поднимается, послушное этому слову. Оно не обжигает, напротив. Оно теплое и ласковое, как руки женщины, которой он не помнил

Никогда не...

– Мама?

Пламя отвечает её голосом, вот только слов не разобрать. И это хорошо. Безумие, до чего это хорошо...

Глава 4

Маг улыбался.

Проклятье. Эта улыбка вгоняла Миху в ступор. Да и сам... вчера же все нормально было! И говорил он, и не выглядел умирающим. А тут вдруг нате вам.

– Что с ним? – Миха приблизился к кровати.

Маг дышал. Медленно и сипло. Обнаженная, изрисованная татуировками и шрамами грудь его поднималась, чтобы опасть. Сквозь смуглую, покрытую испариной, кожу проступали ребра.

– Не знаю, – Миара сидела рядом.

Тоже бледная.

И страшная, честно говоря.

– Все было хорошо. Вечером, когда я уходила. Ни жара, ничего... я обработала раны. Они затягивались. Да и вообще он сильный. Всегда был сильным. Сильнее остальных. Как и я. Поэтому мы и выжили. Он и я... а ночью меня разбудили. Сказали, что жар. Лихорадка. Потрогай!

Миха потрогал.

И вправду бледная кожа казалась раскаленной. Температуру, конечно, не измеришь, но жарило мага прилично.

– Я пыталась... пыталась что-то сделать!

– Не получается?

– Нет! – Миара топнула ногой. – Сила уходит, как вода в

песок! И... и он умрет!

Она уже почти кричала.

– Успокойся, – Миха подумал, что пощечины ему не простят.

А как еще успокоить женщину, с которой вот-вот приключится истерика? Тем более, что женщина эта – маг. И силенок испепелить Миху у нее точно хватит. Оно, конечно, и сама загнется, но Михе-то от этого легче не станет.

– Ица?

Ица была здесь же, забралась в кровать и сидела, скрестивши ноги.

– Духи зовут, – сказала она, не открывая глаз. – Вернется. Подумала и добавила.

– Или нет.

То есть перспектива по-прежнему туманна? Чудесно. Просто охренеть до чего чудесно.

– Так... – Миха попытался вспомнить, что он вообще о медицине знает, кроме того, что все болезни от нервов, а венерические – от удовольствия.

Это явно не в тему.

– Так... надо сбить жар.

– Я давала отвары.

– Не помогают? Хотя да... очевидно. Тогда раздевай его. И пусть обтирают прохладной водой. Это увеличит испарение, а значит, охладит все тело. И пусть пьет побольше. Он теряет много жидкости.

– Уже.

– И постоянно. Пусть постоянно обтирают, пока жар не спадет.

– А если он не спадет? Если он умрет?

– Тогда всем нам будет хреново, – спокойно ответил Миша. – А теперь вдохни.

Как ни странно, Миара послушалась. И застыла.

– Выдохни медленно. И снова...

– Я умею делать дыхательные упражнения. Просто... просто... – она махнула рукой. – Извини. Я и вправду... я ведь целитель и хороший целитель.

– Нет, – отозвалась Ица.

– Да что ты понимаешь, мелкое чудовище.

– Духи. С ним. И ты. К нему, – упомянутое чудовище дотянулось и ткнуло пальцем в лоб Винченцо. – Потерялся. Дорогу. Покажи. Вернется. Тут надо.

Она постучала по этому лбу.

– Пока тут нет, то и совсем.

– Ты что-нибудь понял?

– Да как тебе сказать, но подозреваю, она имела в виду, что вопрос здесь не столько в плане тела, сколько касается души. Разума?

– Ты, – Ица повернулась к Миаре. – Ты идти. Звать. Его. Он слышать. И вернуться. Или нет.

– Как звать?

– Ляг, – Ица похлопала по кровати. – И спать. Я помочь.

– Что-то мне это не нравится, – проворчала Миара, глядя на девочку с подозрением. Та лишь плечами пожала. Мол, дело исключительно твое. – Ты... присмотришь? Если вдруг она что-то сделает, то... то вытащи меня.

– Постараюсь.

Маг захрипел, намекая, что разговоры разговорами, а лучше-таки действовать. И глаза его задвигались под сомкнутыми веками, быстро-быстро.

Жутко.

Ица погрозила пальцем. И Миара решилась. Вскарабкавшись на кровать, благо, размер нынешней позволял улечься не только двоим, она легла на спину, вытянулась, сцепив руки на животе.

– И дальше...

Договорить она не успела.

Ица ткнула пальцем в живот, и Миара смолкла. А потом лицо её исказила судорога.

– Ты их не убьешь? – поинтересовался Миха, подвигая стул поближе. Что-то подсказывало, что ждать придется долго. Да и... нужно ли?

Что изменит его присутствие?

А притворяться сочувствующим он и там-то не умел.

– Я – нет. Сами надо, – Ица широко зевнула, не подумавши прикрыть рот рукой. Что-то, как представлялось, принцесс должны были иначе воспитывать. – Плохо. Умереть не надо. Надо маги. Когда идти. А идти спешить.

– Вот об этом тоже стоит поговорить, – Миха налил себе воды.

Вода неуловимо отдавала травами, и он так и не решился сделать глоток. Параноиком становится по ходу.

– Ты знаешь, куда идти?

– Туда, – Ица указала пальцем на стену. Правда, в стене имелось окно, а за ним открывался вид на крепостную стену. И уже там, дальше, расстилались поля с лугами.

– А конкретней?

На него поглядели с укоризной. Ну да, откуда ей знать-то.

– Надо карты попросить.

Должны же быть здесь карты окрестностей. И если конкретную точку она вряд ли укажет, то можно хотя бы глянуть, чего ждать.

– Ты тут? – дверь открылась без стука и Джер вошел. Огляделся. Вдохнул. И поинтересовался: – Помрет?

– Надеюсь, что нет.

– И я надеюсь. Маг пригодится. Я... тут посижу, ладно?

– Что случилось?

– Матушка случилась, – Джер поморщился. – Пристала с этой женитьбой. А я не хочу!

– Никто не хочет.

– Тут мир скоро рухнет, а она про женитьбу, наследников... какие наследники... хотя нет, я понимаю, все понимаю. Но вот не вовремя! И не только она же ж. Такхвар тоже бубнит, что мой долг то да се, что прервется род де Вар-

ренов, если вдруг что. Но никуда ж не прервется он. Вон, у отца еще сыновья есть. Пусть даже братец мой свихнулся, но другие-то остались. И матушка их воспитает.

– Думаешь?

– А куда ей деваться-то? Или объявить себя этим... ре... ри...

– Регентом?

– Вот, точно. Или возвращаться к отцу. А тот, думаю, не обрадуется. Очень.

Ну да, с учетом, что недавно у него на одного сына меньше стало. И баронесса в том приняла самое активное участие. Такого не простят.

– А ты что скажешь? – поинтересовался Джер и с надеждой.

Миха поглядел на магов. Надо же, тихонько так лежат. И Винченцо хрипеть перестал, но дышит. Вон, грудная клетка поднимается и опускается. Поднимается... надо бы позвать кого, чтобы отерли.

Или не надо?

Миха поднялся и потрогал лоб. Жар уменьшился? Или это просто кажется? Принимает желаемое за действительное?

– Скажу, что тут только тебе решать. Твоя матушка определенно не желает тебе зла, но и добром такого наворотить можно, что вовек не разгребешь. Жениться или нет – решай сам. И на ком. И когда тоже решай сам. Может статься, что

скоро все это станет неважным. А может и не случиться.

– Как-то из тебя советник не очень.

– Я и не стремлюсь.

Точно спадает. И дыхание выравнивается. И глядишь, не помрут. Не то, чтобы сильно жаль, но вот, чуялось, что туда, куда они попрутся мир спасать – а отвертеться от высокой чести вряд ли выйдет – маги лишними не будут.

– Только, если вдруг надумаешь, не на кузинах.

– Матушка сказала, что ты преувеличиваешь. И вообще, что дикарь может знать о благородных браках.

– Действительно.

– А кузины – единственные наследницы своего отца. И как их муж я смогу претендовать на земли и замок.

– Претендовать – сможешь. Кто ж тебе запретит.

Джер чуть поерзал. И покраснел.

И буркнул.

– Договаривай уже.

– Претендовать – это одно, а получить – совсем другое.

Вот где этот замок находится? Далеко?

– Недели две, если верхом.

– И земли там, так?

Джер кивнул.

– И скажи, как управлять ими собираешься?

– Ну...

– Или оборонять? Ты сам только-только за стенами отсиживался, а опять захотел? Или думаешь, там не найдется

желающих на такой кусок? Да, пока не знают, что хозяин... слегка умер.

– Мой дед...

– Который отправил сюда своего сына и твоего, стало быть, дядюшку, чтобы тот принял наследство твоего отца? И научил тебя правильно жить? Даже если вдруг помрешь в процессе? Думаешь, стоит полагаться на помощь этого человека?

– Нет, – выдохнул Джер.

– У тебя просто-напросто нет людей. Тебе и этот замок не удержать, сунься сюда кто-то посерьезней твоего дядюшки.

К примеру, маги, решившие, что лишних наследников стоит убрать, даже если эти наследники пребывают в далах дальних. Оно ж и правильно. Сегодня дальние, завтра и ближние уже.

– Маги вот, то ли выживут, то ли нет. То ли можно им верить, то ли нет. То ли останутся, то ли завтра решат убраться куда-нибудь... это отвлекаясь от огненного дождя, грядущего мора, нашествия нежити и иных напастей.

Джер задумался.

– Откусить кусок от пирога можно, это да. Весь вопрос в том, как бы им не подавиться, – закончил Миха и, когда маг дернулся, положил руку на его грудь.

Сердце билось и, кажется, ровно.

Да и жар, пусть ощущался, но не такой. Определенно, не такой.

– Воды подай, – он подхватил Винченцо под спину и поднял. Джер молча подчинился. А вот поить пришлось едва ли не силой. Маг пытался глотать, но вода выливалась изо рта, стекала по груди и шее, мешаясь с потом, отчего-то темным.

Но Миха был упрям.

А когда вода закончилась, просто отер мага тряпкой, что попалась под руку.

– Мама... говорит, что... маги могут отправить големов. Ну, туда, к замку. И наемников тоже.

– Могут. А могут и не отправить. У магов свои проблемы. И если вдруг с ними что-то да случится, то проблемой станут уже големы вместе с наемниками. Так что лучше пусть урожаем займется. И уборкой. А то там, в подвалах, бардак полнейший.

– Я ей тоже так сказал.

– А она?

– Она... мне кажется, что она слишком увлеклась. Она думает, что раз мы одержали победу, то...

– То теперь все можем?

– Да.

– Пройдет. Она умная женщина. Во всяком случае, показала такой.

Ица зевнула и сказала:

– Женись.

– И ты туда же! – возмутился Джер. – И вообще ты моя невеста! И если я на ком должен жениться, то на тебе! А ты

еще маленькая.

– Я найду. Жену. Тебе. Пока я расти, – Ица глядела серьезно. – Кровь хорошая. Хранить. Здесь. Если крови нет, то плохо.

– У меня братья имеются.

– Покажешь.

Тихо протяжно застонал маг. И выдохнул. А потом открыл глаза и уставился в потолок. Интересно, можно считать, что эксперимент с исцелением завершился удачно?

Ирграм дремал.

В последние дни он пребывал в этой вот странной полудреме, сквозь которую слышал и чувствовал все. И он мог бы с легкостью смахнуть оковы сна.

Но зачем?

Подвал, который ему предоставили, находился под землей, хотя и не так глубоко, как мог бы. Под ним были и другие, темнее.

Теснее.

Интересней. И возможно, когда-нибудь Ирграм решится заглянуть в них.

В этом же сухо.

Сюда принесли кровать. И еще пару свежих матрасов. Простыни. Пуховые одеяла. Подушки. Пол посыпали толстым слоем соломы. Она как-то скрадывала сырость, а еще в солому подмешали трав, и в подвале довольно приятно пах-

ло.

Дверь не заперли.

Доверие?

Скорее приказ. Чей? Разве это важно? Главное, что Ирграм исполнил данное мешекам обещание. Привел. Нашел. А остальное... остальное пусть сами.

Да, да, только сами.

Интересно, что в этой полудреме все чувства его обострились. Он слышал людей, и тех, что прохаживались по коридору. Чей-то вой, стенания.

Разговоры.

Стук сердец. Тихий шелест крысиных хвостов. Писк.

Много-много звуков. И запахов не меньше. А вот зрение тоже изменилось. Мир будто выцвел, зато теперь Ирграм четко улавливал движение, даже с закрытыми глазами. Вот кто-то тронул солому.

И он замер.

Сон слетел моментально. Крыса? Тонкий хвост мелькнул меж стеблей. Крыса двигалась осторожно, пригнувшись, то и дело останавливаясь. Она была готова бежать при малейшей угрозе.

Ирграм повел носом.

От крысы пахло болезнью и кровью. И... и рот наполнился слюной. Ему действительно...

Вот показалась острая морда, чтобы исчезнуть. Снова хвост мелькнул. Она кралась к столику, на котором остался

кусоч хлеба и какие-то миски. Человеческая еда давно уже утратила вкус. И тело требовало иного.

Крысу?

Серьезно?

Нить слюны поползла по щеке. А крыса опять остановилась. Она приподнялась, высунув не только уродливую голову, но и шею, и тощую, плешистую спину.

Ирграм застыл.

Вот тоже странность. Человек не способен надолго замирать в одной позе. Ирграму ли не знать, сколь быстро затекает спина в поклоне, как начинают ныть мышцы, и голова кружится. А тут он сидит без движения не первый час, и никакого неудобства.

Напротив.

Он слегка шевельнул пальцем и легкое это движение не осталось незамеченным. Крыса все-таки была старой и весьма опытной, а потому поспешно нырнула в солому, правда, Ирграм оказался быстрее. Он вдруг осознал себя, сидящим на полу, сжимающим клыками неподвижное тело крысы. Во рту было горячо и сладко.

На душе – мерзковато.

И крысу он заставил себя выплюнуть. Пусть и не сразу. Отер лицо. Встал, чувствуя, как запоздало начинает тянуть мышцы. Оттого и походка получилась неуклюжей, качающейся.

Слюна опять же. Текла и текла. Сперва Ирграм её просто

сглатывал, потом вытирал, ну а после уж вовсе плюнул.

Кому тут на него любоваться?

Да и...

Он доковылял до двери. Заперта? Ему ведь не обещали...
госпожа сказала, что после побеседует, но, видать, времени не нашлось. И жрец куда-то запропастился, что вовсе обидно.

Ирграм почувствовал себя брошенным.

И оттого, верно, испытал нечто, весьма похожее на страх. А вдруг его снова заперли? Госпожа, если подумать, мало чем от брата отличается? И не захочет ли уже она исследовать того, нового, Ирграма, который перестал быть человеком? А если захочет, то... что ему делать?

Бежать?

И он толкнул дверь. А та отворилась.

Глава 5

Дверь не заперли? Позабыли? Или нарочно?

Хорошо.

Где он? Темно. Но темнота не кромешная. Где-то там, вдалеке, дрожит желтоватый огонек. Свеча? Вряд ли. Скорее уж факел. Просто и вправду далеко. Пахнет смолой. Камнем. Гнилой соломой. Испражнениями. Человеком. Ирграм дернул носом и сплюнул-таки слюну.

Это голод.

И похоже, голод весьма определенного толка. Плохо. Очень, очень плохо... нельзя убивать. Не здесь. Или... если осторожно?

Нет, нельзя. Но еще немного и не убивать не получится. Или получится? Ирграм ведь и сам мало что знает о себе нынешнем.

Неправильно.

Разве этому его учили?

Он замер, услышав человека. Тот пока скрывался в темноте, но шаги его доносились издалека. И не только шаги. До Ирграма дотянулся резкий запах браги. Пота. Человеческого и конского. Хлеба. Последний был почти неуловим, но в животе заурчало.

Выходит, что не вся еда ему неприятна?

– Лар! – голос у человека был громким, и на него отозва-

лись воём. – Тише ты, скаженный! Лар, ты где?

– Туточки.

Ирграм двинулся на голоса. Он ступал осторожно, как на недавней охоте. И прижимался к стене, чувствуя холодную влажную поверхность ее. Тьма же расступалась. То ли по мере приближения свет факела становился ярче, то ли собственные глаза Ирграма были созданы именно для темноты.

Он улавливал уже не только очертания дверей, но и неровность древесины, которой касались пальцы. Холод металлических петель и запоров. И почти не удивляло то, что эти прикосновения рождали весьма конкретные образы.

Он видел... пальцами?

В том числе.

Ирграм прикрыл глаза, пытаясь отрешиться. Так и есть. Картинка чуть поблекла, но трещина в дереве осталась, как и витая решетка, слишком роскошная для темницы.

– Тихо?

Подземелье искажало голоса. Но теперь Ирграм удивительным образом видел и его. Коридор, протянувшийся до самой лестницы. Клетки в начале её. Грязного человека, что свернулся клубком. И стражников. Они прошлись, не рискуя забраться далеко.

– Маги захворали, – сказал тот, который пришел. И пахло брагой. Что-то забулькало. Пьет? Ирграм поморщился. Мысль о том, что отравы из фляги попадет в кровь вызывала отвращение. – Говорят, что вовсе того...

– Да ну, маги живучие.

– Так того же ж вон. Попалило крепко. И после уж. Привезли, почитай, мертвого.

– Эта, я слыхал, и мертвых поднять способная, – возразил другой. Этот, к счастью, не пил. Но нападать на стражника в высшей степени неразумно.

И не собирается Ирграм.

Ему просто... интересно.

– Вот, надорвалась, небось... хотя и баба, а жуть такая. Раз мимочки шла, глянула, так я аж прям... – он добавил пару слов, для пущей выразительности.

Хорошо, что госпожа не слышит.

Но... умирает?

В последний раз, когда Ирграм её видел, госпожа была жива и вполне здорова. Легкая усталость – не в счет. И умирает?

Почему?

– Плохо, – сказал тот, второй. Теперь Ирграм различал и его запах. От этого человека пахло молоком, причем свежим. И... это, пожалуй, нравилось.

– Чего?

– Чего... дремучий ты человек, Навис. Вот скажи, кто тут главный?

– Дык... барон.

– Это пока барон. Пока за ним кто-то да есть. А кто за ним?

– Этот... дикий.

– Дикий. И маги при нем. Не станет магов, баронесса живо выставит тех, кто под ногами мешается. И сыночка к рукам приберет. Он, может, парень и неплохой, но против маменьки не сдюжит. А уж как баба управлять станет, оно известно. Если еще сама. Заявится еще мужик какой, тогда-то и увидим белый свет с пшеничное зерно.

Человек в клетке дернулся было и завыл.

– Жуть... казнили б уже скорей, а то... прям страх слушать. Позабыли, что ли?

– Не до него сейчас. Да и еще чутка и сам помрет, чего руки марать-то?

– Просто... воет так, что жуть.

– Ты не только дремучий, но еще и трусоватый.

– А то ты больно храбрый, – возмутился Навис. – Если такой храбрый, то ходи, поглянь на нелюдя.

– Чего на него глядеть? Сидит себе, никого не трогает.

Навис выругался, явно несогласный с таким утверждением. А Ирграм сглотнул. Теперь сквозь вонь он ощущал сладковатый запах человеческого тела.

И словно чувствуя неладное, лежащий завозился, встал на корточки и затряс головой. А потом вдруг кинулся и, вцепившись в прутья, затряс решетку. Раздался утробный вой, перешедший в хохот.

– Чтоб меня... идем отседова.

Спорить с Нависом не стали. И стража убралась. Факел

вот на стене остался, правда, тот уже догорал и света давал мало. Но и к лучшему. В темноте Ирграм ощущал себя спокойнее.

Госпожа...

Нет, уже не госпожа. Он свободен от всех клятв. Надо только почаще повторять. Для памяти. И... проверить? Подняться? Найти?

Как?

Ирграм прислушался к себе и с удивлением понял, что примерно представляет, где искать госпожу. Чувство, что она находится где-то там, не так уж и далеко, но выше, было весьма ясным.

Полезным?

Несомненно. Все-таки ему стоит разобраться с новым телом и новыми способностями.

– К-кто здесь? – человек в клетке вдруг перестал выть и заговорил. Голос у него оказался сиплый, надорванный. – Кто здесь?! Кто?

Ирграм не шелохнулся.

Надо выйти.

Подняться.

И...

Дальше-то что? Убедиться, что госпожа Миара и вправду умирает? Или, наоборот, она жива и бодра? Напомнить о себе? Неосторожно.

Нет.

Ни к чему.

Тогда... оставаться? Здесь, в темноте? В надежде, что его не запрут?

Тоже ерунда полная.

– Ты здесь, здесь... я знаю... кто ты? – человек поднялся, опираясь на прутья. Он стоял, широко расставив ноги, покачиваясь из стороны в сторону и под весом его прутья слегка поскрипывали. Они были толстыми и вряд ли у человека получится не то, что вырвать, даже слегка раздвинуть их. – Я чую... покажись! Тебя он прислал? Мой ублюдочный братец... и его мамаша... твари, твари!

Человек взвизгнул.

И застыл. Теперь Ирграм слышал лишь его дыхание.

Подойти?

Почему нет. Может, этот тип и свихнулся, но не настолько, чтобы вовсе утратить человеческое обличье. И говорить он способен.

И рассказать.

Надо же понять, что происходит в этом богами забытом месте.

Шаг. И движение это заставляет человека дергаться.

– Кто ты? – в его голосе нет страха, только вялое любопытство.

– Ирграм, – сказал Ирграм, останавливаясь в трех шагах от клетки. От человека воняло. Потом. Мочой. Дерьмом. Гноем. В клетке, если и убирались, то не часто. – Кто ты?

– Кто ты? – эхом отозвался он.

– Гость.

– Здесь? Внизу? – человек хихикнул, но тотчас зажал рот руками. – Ты выбрался? Как ты выбрался? Помоги мне! Помоги! И я помогу тебе!

– Как?

Ирграм вообще не был уверен, что кто-либо в мире способен помочь ему. Как и не был уверен в том, что нуждается в помощи. Кем он был? Человеком? Слабым, никчемным, зависимым от милостей господина существом. Теперь же он... свободен?

Странная мысль.

Неудобная. И в то же время безумно привлекательная.

– Я... я знаю выход! Здесь есть! Недалеко! Отец показывал... отец меня любил! Да, меня любил! Я должен был стать бароном, а не этот... давно следовало шею свернуть, но отец слово дал! А еще обещал, что найдет способ, что сумеет...

Человек говорил быстро, захлебываясь собственной слюной.

– Но я знаю, знаю... тут есть тайный ход... какой замок и без тайного хода? Ты вышел? Но только из камеры, а отсюда самому не выбраться. Без меня.

– Имя, – поинтересовался Ирграм, уточнив. – Твое.

– Имя? Имя, имя... не помню! – взвизгнул человек. – Я не помню! Открой дверь! Открой!

Он затряс решетку, а потом замер.

– Украл... он украл мое имя! И замок! Все украл! Воры, воры... обманщики... мама обещала, отец обещал... обманули... все обманули.

Ирграм приблизился еще немного.

В темноте не разглядеть лица. Разве что кожа бледная, и глаза кажутся темными провалами.

– Ты... ты кто? – человек будто очнулся.

– Ирграм, – терпеливо повторил Ирграм. – Я пришел тебе помочь.

– Да?

– Конечно.

– Они меня заперли! Там! – он просунул руку сквозь прутья, указав в темноту. – Сидел, сидел... темно и страшно. Крысы одни. Ненавижу крыс. А ты?

– И я, – Ирграм сглотнул слюну. Нет уж, крыс он жрать не станет. Это как-то унизительно даже.

– Вот... я хотел убежать. Знаешь как? У меня пояс есть. На шею и раз... и все... они бы не достали... пытаться меня вздумали! Меня! Я ведь барон! Наследник! А они пытать.

Кажется, степень разумности заключенного Ирграм несколько преувеличил.

– А я сбежал бы! Почти! Но они... они поймали! Опять.

– Сволочи.

В конце концов, заняться было больше нечем, так отчего не побеседовать с безумцем. Ко всему, если здесь и вправду имеется тайный ход, в чем Ирграм несколько сомневался, то

стоит поискать его.

– Вот, вот... посадили... сюда. Чтоб все видели. В клетку. Сказали, тут я ничего не смогу. А смогу! Смогу! Вот им, вот! – он затрясся и заплясал, и завыл с переливами, совершенно по-звериному.

На вой его дверь где-то там, наверху отозвалась скрипом, и Ирграм поспешно отступил в темноту. Спускался Навис уже один, пусть и при факеле, который горел ярко. Но от двери отходить человек не стал, он наклонился, поднял с земли что-то, чем и швырнул в клетку.

– Эй ты, – крикнул он, и голос отразился от стен, пошел гулять по коридору. – Заткнись!

Безумец послушно замолчал и, упав, съежился. Он поспешно отполз в самый центр клетки, где и замер, обняв себя руками.

Навис же подошел ближе. И снявши с пояса меч, пару раз ударил по прутьям.

– Вздумаешь буянить, знаешь, чего будет, – сказал он. И резко повернулся, ткнувши факелом в темноту. Но та лишь вяло качнулась, распустив стаи теней. И Навис проворчал. – Примерещитесь... тут... сиди тихо, ясно?

Пленник не отозвался.

А Ирграм стоял, глядя, как уходит стражник. Двигался тот медленно и руки с меча не убирал. Странно, но Ирграм знал, что вытащить меч стражник не успел бы. Что он, Ирграм, быстрее.

И сильнее.

И...

Он сглотнул слюну. Убивать разумных? Нет... не сейчас... то есть, Алеф это заслужил, а вот остальные... Ирграм пока не готов.

Пока.

Навис ушел. Но пленник не сразу решился пошевелиться. Вот он вздохнул и, встав на корточки, подполз к решетке.

– Ты здесь? Я слышу, что здесь.

– Как? – Ирграм вышел из темноты.

– Не знаю. Тут... глаза болят, ничего не видят. Но слышу. Крыс слышу. Их вот тоже. Тебя. Ты другой. Холодный. И тихий. Но все равно слышу. Я умный!

– Умный, – заверил Ирграм. – И выход знаешь. Знаешь ведь?

Пленник поспешно закивал.

– Я открою дверь, а потом мы уйдем, хорошо?

Замок.

Тяжелый. Навесной. Слегка проржавевший, но еще надежный. Ирграм погладил его. Прислушался. Силы почти не осталось, но вот того, что есть, хватит. С замком он справится. Да и... пальцы сомкнулись на дужке, и металл поддался. Надо же... надо изучать новое тело.

Способности.

Надо...

Замок с хрустом разломался. И дверь открылась. К сча-

стью, беззвучно.

– Погоди, – человек метнулся вглубь клетки и принялся сгребать грязную солому. Её он прикрыл драным одеялом. – Не найдут... не поймут. Мы уйдем.

Он спешно зажал рот руками и вывалился, обдав Ирграма вонью своего тела, смрадным дыханием, от которого глаза заслезились.

Но Ирграм выдержал.

– Куда?

– Что ты... такое?

– Тебе так хочется поговорить?

– Нет, нет... я... идем... я уйду... и приду! И все увидят, кто истинный хозяин. Я – барон де Варрен...

Ирграм прикрыл глаза. Сложно ждать от сумасшедшего адекватности. Но пленник отряхнулся и, вцепившись в плечо – а пальцы у него оказались на диво крепкими – забормотал.

– Третья... третья камера... там, идем... идем.

Сам он шел с трудом, явно подволакивая правую ногу. И дыхание тотчас сделалось громким, а после третьего шага человек вовсе закашлялся. И Ирграм даже испугался, что кашель этот будет услышан.

Но нет.

Третья камера по счету была вовсе даже не третьей, или же считать надо было не от начала, или же вовсе нумеровали их каким-то хитрым способом, известным лишь де Вар-

ренам.

Но камера была.

И дверь дубовая, её запирающая. И внутри-то – темень, но в этой темени человек зашарил руками.

– Камень... надо камень... теплый камень. Прочие – холодные, а этот теплый.

В камере было чисто и пахло лишь слегка камнем да плесенью. Пленник шарился, Ирграм думал, что, возможно, стоило бы просто подняться по лестнице.

Правда, он в упор не помнил, что за нею, но... он ведь не пленник?

Или все-таки?

– Теплый, теплый... кровь де Варренов, – человек попытался укунить себя за руку. – Кровь! Кровь нужна! Де Варренов!

Заклятый ход? Разумно.

Ирграм молча полоснул когтем по запястью, и пленник захныкал. Правда, при этом он поспешно принялся мазать кровью стены. И... да, движение силы Ирграм ощутил за мгновенье до того, как с тяжким судорожным скрипом сдвинулась с места стена.

Из подземелья пахнуло сыростью.

И тьмой.

С писком ринулись прочь крысы, явно обжившие тайный для людей ход. И де Варрен захихикал уже во весь голос.

– Видишь! Видишь, я не лгу! Я никогда не лгу!

– Молодец, – похвалил его Ирграм. – Идем.

И первым ступил в темноту. Правда, замер, запоздало вспомнив, что подобные ходы часто таили в себе опасность. Но нет, ничего. Тот, кто обустроил ход, все же не был магом.

– Пусти! Я первым! Я пойду! Я! Я главный! Я барон! – пленник протиснулся мимо Ирграма, при том едва не сверзшись со ступеней.

Пришлось поймать за космы и придержать.

– Не спеши. Как дверь закрыть?

– Сама. Сама закроется! Надо идти! Не поймают, не поймают... я сбежал! Я умнее!

– Умнее.

– И сильнее!

– Еще бы.

Сложно с людьми. И, пожалуй, именно этот уже не так и нужен. Ход прямой. И вряд ли есть в нем еще ловушки. Да и заблудиться сложно. Впрочем, пусть еще поживет. Мало ли. Старые замки таят немало тайн. А убить безумца Ирграм всегда успеет.

Тот же шел, все так же подволакивая ногу, слегка поскуливая, ругаясь с кем-то, одному ему известным. Он иногда останавливался и принимался махать руками, либо же бормотать что-то вовсе уж неразборчивое. А потом, словно спохватившись, шел дальше.

Вниз.

И еще ниже.

И кто бы ни обустроил этот ход, он не обошелся без помощи магов. Человек бы обыкновенный не сумел бы пробиться сквозь толщу каменной породы. Ход был узким, извилистым. Порой путь преграждали известковые пики, что сползали по стенам либо же с потолка. Под ногами хрустели иные.

Вот и вовсе в каменное русло пробился ручей. Идти по воде было холодно, но вот пленник явно прибавил шагу.

Насколько сумел.

А стены раздались в стороны, потолок тоже, пусть медленно, но поднимался. Вода тоже прибывала. В какой-то момент пленник, упав на четвереньки, принялся хлебать её.

Ртом.

Потом и вовсе растянулся, начал кататься, не столько смывая грязь, сколько размазывая её. Но запах дерьма слегка ослабел.

– Скоро, скоро... – забубнил человек, поднимаясь на четвереньки. И побежал, как был, на четвереньках, неловко вихляя задом. Ирграм поморщился, но отправился следом. Пожалуй, теперь он и не нуждался более в помощи, чувствуя, что выход где-то совсем рядом. Тянуло свежим воздухом.

И запахи леса проникали в подземный ход.

Не было ни двери, укрытой в скале, ни подобия его. Просто тоннель вдруг разошелся в стороны, раскрываясь просторною пещерой. А уж та вывела к краю.

Вниз спуститься будет непросто. И тот, прежний, Ирграм

не справился бы. А вот нынешний, пожалуй, что сумеет.

— Выкуси! — метнулась знакомая тень. — Я ушел, я ушел... я вернусь! Я всем вам покажу, кто...

Шею Ирграм сворачивать не стал. Слегка сжал, и ослабевший пленник дернулся было, но почти сразу затих. Тело он уложил на пол.

Огляделся.

Вода еще была, но мало. И... тащить вниз? Принести воду сюда? В чем? Ирграм вздохнул и, подхватив человека под руки, потянул обратно в проход. Там он бросил его в воду и долго, мучительно оттирал грязь с шеи.

Было противно и все же...

Все же клыки пробили влажную холодную кожу. Кровь оказалась кисловатой, но в целом вернула ощущение сытости.

Ирграм икнул.

И подобрался к краю. Он поглядел на небо, убеждаясь, что рассвет еще не скоро, и решился.

Глава 6

Ночью Миха выбрался на стену. Не то, чтобы в этом была какая-либо необходимость. Или смысл. Просто тесно вдруг стало.

Душно.

И это странное ощущение несуразности, неправильности. Чего? Хрен его знает. Может, кто другой, поумнее и сумел бы понять, что же скрывается за переглядываниями слуг, за стражей, что вдруг словно и перестала замечать Миху, за пустотой в его комнате и огрызком яблока, который так и догнивал в грязной тарелке.

Хотя чего уж.

По огрызку Миха и сам понял. Снова лишний.

Обидно? Не то, чтобы. Скорее уж неприятно. Да и ветер вдруг переменялся, отчего в воздухе запахло дерьмом. Запах, к слову, самый обыкновенный, но оттого не менее неприятный. К нему примешивалась вонь зацветшей воды, которой тянуло откуда-то со стороны рва.

В общем, на стене было спокойней.

Ночь опять же ясная.

Луна бултыхается желтою рыбиной. Звезды яркие. Выплетают узоры и ни одного среди них знакомого. Миха смотрит. Пялится. И... небо прочертила тонкая нить.

Желание загадать бы...

Какое?

Домой вернуться? Туда, в нормальный мир? Где все так понятно и просто. Где родители, приятели, друзья? Он бы был рад. Вечеринку замутил бы. Да что там, устроил бы недельный запой с вояжем по всем клубам. Или нет? Приехал бы к родителям и...

Вторая звезда сорвалась вслед за первой. И вспышка была яркой. Пожалуй, самой яркой из тех, которые Михе случилось видеть. А вон и третья.

И... и это тоже ничего не значит.

Может же быть такое, что маг ошибся? Если подумать, то все это выглядит насквозь неправдоподобным. Нашел древнюю башню, а в ней – древнее устройство с еще более древними учебниками, в которых и отыскал истину.

Чтоб её.

Чтоб их всех.

– Скучаете? – тихий голос заставил Миху прикусить язык. – Вы не против, если я тоже... поскучаю?

Девушка.

Из дочерей барона. С какого вдруг? Убивать пришла? Не похоже. Она хрупкая, сама еще ребенок с виду. И без оружия.

Ну, во всяком случае ничего такого, что могло бы за оружие сойти, Миха не заметил. С другой стороны, и дети здешние рано взрослеют, и в платьях местных не то, что нож, двуручник спрятать можно.

– Если я... если мешаю, – она потупилась и отступила. – Просто... там тяжело.

– В замке?

Миха подавил вздох. Самым разумным было бы или отправить её обратно, или самому свалить. Благо, в замке хватает башен, с которых можно небесами любоваться. А он стоит.

Смотрит.

Невысокая. И худенькая. Бледная почти до изнеможения. Волосы светлые убраны под сетку. В сетке камушки поблескивают, на платье в том числе. Само платье вроде и простое, но из какой-то переливчатой ткани. Да и цветочками расшито.

– В замке. Тетушка... очень добра.

Ну да, крокодилы, они в душе тоже добрые, просто не каждому душу разглядеть дано.

– Мне жаль, что так получилось.

Странно извиняться перед человеком, что убил его отца. И не только отца, если подумать.

– Я предпочел бы решить дело миром.

– Вряд ли у вас бы получилось, – она пожала плечами и сделала шаг, заставив Муху отступить. – Вы меня боитесь?

Взмах ресниц. Лукавый взгляд.

– Разумно опасаясь, – уточнил Муха.

– Меня?

– В том числе.

Смешок. И во взгляде появляется та самая женская заинтересованность, к которой Миха вот сейчас не готов. Справедливости ради он и прежде не очень готов был. Но сейчас – как-то особенно.

– Я все-таки убил вашего отца, – напомнил он на всякий случай.

– О, ничего страшного.

– Ничего страшного?

Девиде надоело играть, и она фыркнула.

– Не могу сказать, что он был добр к нам с сестрой. И к кому бы то ни было, – она приподняла подол платья. – Я понимаю, что хорошая дочь должна быть тиха и покорна. И уважать отца. Исполнять его волю. Подчиняться во всем...

Она подошла к краю башни.

– Поверьте, с тетусшкой нам хуже не будет. Скорее даже наоборот.

– Не понимаю.

– Вы и правду прибыли издалека? Как говорят?

– Дальше некуда.

– У вас все иначе?

– Многое.

Станный разговор. Но подходящий для места и времени. А небо вновь выпускает звезды. Нити света вспыхивают и тают, одна за другой, одна за... их много и кажется, будто на небе рисуют, с той, с обратной стороны. По-своему это даже красиво.

Если не знать, что это астероиды сгорают где-то там, в верхних слоях атмосферы. А вот знание и вправду несколько убавляет восторга.

– У отца три жены. Но ни одна не родила ему сына, – сказала девушка. – Алисанна.

И слегка присела, склонив голову.

– Могу ли я узнать ваше имя?

Да? Или нет? И...

– Можешь называть меня Михой.

– Это что-то значит?

– Только то, что меня так зовут, – Миха пожал плечами.

– Моя матушка рано умерла. Она пыталась исполнить свой долг. И каждый год рожала по ребенку. Но они не выживали. Мальчики всегда были мертвыми.

– Она ведь приходилась ему сестрой?

– Кузиной.

– И до того были браки между родственниками?

– Как и у всех, – Алисенна стояла, пожалуй, слишком близко. Она невысокая, чуть выше Миары, пожалуй. И еще не сказать, чтобы красива.

Сколько ей?

Пятнадцать есть хотя бы?

– Вот и сложилось одно к одному. А другие?

– Одна была матушкиной сестрой, другая тоже из ближнего круга. Говорили, что Анея вовсе родная сестра по отцу, но у нее имелся скрытый дар, поэтому отец и решился.

– Зря это он.

– Она умерла в первых же родах. Он был очень зол.

Идиот. И даже не жаль, что пришлось его убить.

– Алисию ему предложили. Сказали, что она родит сына.

Обязательно. Она из рода магов, пусть её и не признали. Но они нашли бы способ...

Скорее уж чистую кровь, которая при толике везения как-то скомпенсировала бы генетический груз. А может и вправду способ был. Миха о местных магах мало знает.

И вообще о мире.

И ведь недальновидно. Неразумно даже. Но... у кого спросить? Чтобы правду рассказал. Или хотя бы то, что считает правдой.

– Пока она не появилась, мы... мы просто жили. Если не попадаться ему на глаза, то даже и неплохо. Он не был жадным. Гневливым – да. Нас не любил. Но дочерей никто не любит.

Дерьмовый мир.

Глядишь, если почаще повторять, то станет не таким и дерьмовым.

– Но нас кормили. И в наших комнатах всегда было тепло. Нас учили.

– Чему?

– Вышивать. Я очень хорошо умею вышивать золотом.

Полезное умение.

– Еще шить. Молиться. Вести домовые книги.

Уже хоть что-то.

— А она появилась, и вдруг стало денег не хватать... дома холодно. К чему тратить дрова на бесполезных девчонок? — она слегка прищурилась. — Хорошо, что эта тварь издохла. Её служанки ели лучше, чем мы. Вы не поверите, но здесь... здесь никто не запирает нас в башне. И тетушка не ругает, что мы слишком много едим. И позволяет пить не только воду.

— Главное, не увлекаться.

— Я знаю, что даме благородной к лицу умеренность, — она провела рукой по платью. — Его мне перешили, когда отец вздумал отправиться в гости. Вы бы видели, в каком тряпье мы ходили. Мы... видите?

Михе протянули бледные руки.

— Нет, — честно ответил он, не понимая, что именно должен бы увидеть.

— Руки. Они в мозолях! Вы... вы потрогайте!

— Спасибо. Я на слово вам поверю.

Не хватало. Потом окажется, что он оскорбление нанес.

— Почти не осталось... отец сказал, что выдаст нас замуж. Мы обрадовались... мы так обрадовались. И она вдруг сделалась ласковой. Но это ложь. Она сказала, что если с замужеством не получится, она продаст нас магам. Магам всегда нужны жертвы.

И ресницы задрожали.

Впрочем, продлилось это недолго. Девочка явно сообра-

зила, что слезы – не то, что нужно.

– А ваш отец?

– Она сказала, что ждет ребенка. Наследника. Долгожданного. И одаренного. И призванный ею целитель подтвердил. Думаю, он подтвердил бы что угодно. Главное, ради наследника отец сделал бы все, чего Алисия пожелала бы. А теперь её нет. И его.

А вот улыбка была искренней. Правда, слегка безумной.

– А тетушки вы не боитесь?

– Мы ей нужны.

– Джер на вас не женится.

Косой взгляд. И кивок.

– Тетушка сказала, что вы против. Но почему? Мы хорошего рода.

– Тебе лет-то сколько?

Молчание.

– Восемнадцать есть?

– Зачем восемнадцать?

– До восемнадцати замуж нельзя.

– Кто сказал?

Сколько возмущения в голосе.

– Я сказал, – Миха потянулся. Небо слегка успокоилось, и теперь если и были вспышки, то редкие, одиночные.

Надо будет поставить кого, чтобы считал или хотя бы как-то отмечал активность. Может, на спад пойдет.

– Ты еще молода. Слишком.

– И хорошо.

– Не хорошо, – вот к чему его жизнь не готовила, так к подобным задушевному разговорам. – Для начала вы с ним родственники. Близкие. И судя по тому, что из всего потомства вашего батюшки выжили лишь вы, там приличный груз набрался.

Недоумение во взгляде. Но и смотрит она внимательно.

Слушает тоже. Разве что губу покусывает.

И вот как им рассказать про генетический груз? Мутации? Близкородственное скрещивание?

– Если слишком часто соединять кровь, то она... загустеет, – Миха мысленно постучался головой о стену. – И станет дурной. У ребенка. И такое дитя умрет. Или родится уродом.

Не верит.

– У вас же были... ну там конюхи? Или те, кто лошадей разводил? Собак? Да хоть свиней!

– Свиней держали, – кивнула Алисенна. – Хотя торговать – это стыдно. Для барона. Но отцу как-то получилось взять хорошее стадо. А при чем тут свиньи?

– Ни при чем, – Миха поглядел на небо. – Совершенно ни при чем. Главное, если часто скрещивать близкую родню, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Все равно не поверили.

– В общем, я против.

Ему сыграли смирение. Хорошо так сыграли, почти искренне.

– А во-вторых, ты еще слишком молода. Твое тело растет. И оно должно вырасти. Если выйдешь замуж сейчас, то скоро забеременеешь.

У магов, может, и имеются средства, надо будет, к слову, уточнить, но вот вряд ли они доступны обычным людям.

– Это долг хорошей жены.

– Долг, – согласился Миха. – Но когда тело еще не выросло, то и беременность, и тем более роды опасны. И ребенок не будет здоровым, и ты в процессе... можешь...

Он махнул рукой.

– Умереть?

– Да.

– Ей было шестнадцать, – задумчиво произнесла Алисенна. – Анее.

– Вот видишь.

– Но восемнадцать – это... это долго!

– Будет время подумать.

– Над чем?

– Над жизнью, – рявкнул Миха, понимая, что стоило все-таки поискать другую башню. – Тебе не пора?

Она снова прикусила губу.

Вдохнула.

Выдохнула. И поинтересовалась:

– А тебе жена не нужна?

– Мне?! – вот уж не было печали. И главное, глаз сам дернулся. – Спасибо, мне и так неплохо. И... и вообще...

Миара вряд ли одобрит этот брак.

Да и на хрена Михе малолетка, которая явно на что-то надеется и вовсе не на тихую семейную гавань.

– Бесперспективен, – нужное слово не нашлось, а потому прозвучало на ином языке, низком и рычащем. – Не самый лучший вариант.

– Почему?

– Кто я?

– Второй наследник, – спокойно отозвалась Алисенна. – Это очень нервирует тетушку. Ведь если что-то случится с Джером, то замок получишь ты.

Не было печали.

– погоди. У него есть братья...

– Есть, но тетушка скорее их собственными руками придушит, чем позволит наследство принять. Ты её тоже злишь, но меньше.

Чудесно.

И с каждой минутой чудеснее.

– А Джер такой... непоседливый. И болел часто.

– Выздоровел, – буркнул Миха. – И помирать не собирается.

– Сейчас. А потом? Ваш контракт когда-нибудь да закончится, – полуопущенные ресницы, выражение лица кроткое, печальное даже, но верить этой печали не след.

Да когда ж оно закончится?!

– Он бессрочный, – Миха дернул шеей. А потом шагнул и

положил руку на тонкую девичью шею. Смял её, осторожно, скорее показывая силу, чем и вправду угрожая. Наклонился, заглянув в темные глаза, в которых теперь плескался ужас. — И не вздумай вредить мальчику.

— Я...

— Я сказал, — руку он убрал и нитку жемчуга, что слегка сбилась, поправил. — Поздно уже. Мне казалось, что девицы благородного рода в это время должны находиться в собственных постелях.

Молчит.

Не уходит. И смотрит так... со страхом. Но и упрямо.

— Чего тебе?

— Я... и сестра... если не хочешь замуж, тогда объяви опеку.

— Что?!

— Тетушка упряма. Как отец. И в конце концов, она заставит нас выйти замуж за Джера. Он неплохой и я не против, но если ты говоришь, что детей у нас не будет или будут, но мертвые... я не хочу рожать мужу мертвых детей. Или умереть.

Разумный выбор.

— Тем более, что если жена не оправдывает надежд, на нее возложенных, — произнесла она совершенно иным, равнодушным почти тоном, — то от нее избавляются. И тут уж тетушка не станет... испытывать сомнений.

— Со мной будет лучше?

– Да. Ты... ты в своем праве. Ты взял имущество нашего отца.

– Да? – новость, об этом Михе почему-то не сообщили.

– Тебе не сказали? – она чуть прищурилась. – Поединок состоялся. И ты победил. Ты имеешь право заявить права... ты понял.

– Понял.

Дались им эти права.

– И на нас тоже. Тем более тетушка вдова, а ты – мужчина. Джер вот мог бы тоже, будь он старше.

– Мне-то это зачем?

Алисенна задумалась.

– Ты... ты можешь претендовать...

– Слон тоже может сожрать три воза моркови. Но кто ж ему даст?

– А кто такой слон?

Ясно, шутки стоит доработать сообразно местным реалиям.

– Не важно. Главное, что у тебя есть еще дед. А у него, полагаю, свои планы на имущество. И потому делиться им не станут. А вот вы уж скорее обуза.

Девчонка зажмурилась.

И... вот сейчас она точно расплачется.

– Завтра я поговорю с вашей тетушкой.

Только еще с магами посоветоваться бы. Если они все-таки очнутся. Ица уверена, что очнуться, да и помирающими

они уже не выглядят, но вот полной уверенности не было.

– Сама понимаешь, баронесса точно не обрадуется. А жить придется здесь. Пока. Так что думай. Очень хорошо думай. Стоит ли с нею ссориться.

– Спасибо, – она вдруг оказалась рядом и, привстав на цыпочки, осторожно коснулась губами щеки.

Малолетка, чтоб её...

И кажется, Миха жить не может без того, чтобы не найти проблем на свою задницу.

Глава 7

От Алисенны остался едва уловимый запах чего-то сладкого, душистого. И ощущение, что он только что совершил ошибку. И да, можно исправить. Он ведь обещал поговорить, а не все остальное.

Но Миха знал – не исправит.

И не в клятве дело, а в том, что права девочка. Если она будет не нужна, от нее избавятся. Вопрос лишь в том, как скоро она станет ненужной.

– Вы чрезмерно жалостливы, – сказала темнота, раскрываясь, чтобы выпустить человека, которого Миха совсем уж не готов был видеть.

Не здесь.

Не сейчас.

И рука потянулась к ножу.

Не башня, а проходной двор какой-то.

– Спокойнее, – человек остановился в паре шагов и поднял руки. – Я только поговорить желаю. Клянусь.

И воздух слабо полыхнул, подтверждая клятву.

Наемник.

Тот самый, неприметный, с мертвыми глазами. Он сопровождал их до замка, и людей своих оставил там, за чертой стены. И если приглядеться, то можно увидеть, как дрожат во тьме далекие огоньки лагеря.

– О чем же?

Сам он, выходит, проник в замок. Когда? И кто позволил? Хотя в этом бардаке позволения особо и спрашивать не нужно.

– О жизни? – он все же приблизился, двигаясь мягко. И Дикарь взвыл, предупреждая, что человек этот опасен. Пожалуй, опаснее даже пустынного льва, который пусть и силен, но и благороден.

Лев возвещает о приближении своем рыком.

А этот...

Этот просто ударит. Без предупреждений, без расшаркиваний. И насмерть.

– Вам не с кем поговорить о жизни? – притворно удивился Миха.

– Как ни странно, но не с кем... вид красивый. Всегда любил замки. Есть в них не то, чтобы величие, скорее такое вот провинциальное спокойствие. Уверенность в завтрашнем дне. В городе же никакой уверенности. Но это и позволяет ощутить вкус жизни.

– Угу, – ответил Миха.

– Не расположены к беседе?

– Скорее не пойму, чего вам надо.

– Посмотреть.

– На меня?

Легкий наклон головы. А ведь черты лица у него правильные, и само это лицо даже красиво, но стоит отвести взгляд,

и что черты, что лицо моментально забываются.

– Маг?

– Нет. Дар слабый. Даже не дар, скорее уж эхо, которое, впрочем, позволило мне добиться многого. Моему сыну и того не досталось. Может, и к счастью. Я так думал, – он подошел к самому краю и оперся на каменный парапет. С него и смотрел. – В городе все иначе... дерьмо.

Миха хмыкнул.

Сколько раз он повторял это.

– Я получил весточку от верного человека. Башни рода Ульграх заняты.

– Кем?

– Союзом. Рода сумели договориться и объявили о протекторате. До тех пор, пока наследники не достигнут взрослого возраста. И тогда будет выбран тот, кто станет главой.

– А...

– Винченцо никогда не имел нужного веса. Он может попытаться оспорить решение, обратиться к Совету... но ему придется что-то предложить. И что-то действительно стоящее.

Машину древних, которая позволит заглянуть в их тайны?

– А еще стать номинальным главой и действительно возглавить род – это разные вещи. Второе ему не позволят. Скорее уж найдут способ получить... ценности. Или подчинить. Подчинить такой род, перевести его в число вассальных, – хороший вариант.

– Для кого?

– Не для рода Улыграх

– Значит, лезть смысла нет?

– Напрямую.

– А торговаться?

– Смотря что он захочет. Если выживет.

– А если нет?

– Миара сама по себе ценный приз.

– Она об этом знает?

– С юных лет. Но сейчас о ней немного забыли. Может, забудут совсем, если сочтут, что она не стоит усилий. Или уж скорее на время... не обязательно возвращать её самим. Можно передать право будущему мужу.

Чтоб их.

Всех.

– Его назначит протекторат. Большинством голосов. Ведь род ослаблен и нужно возрождать его.

Как бы он вообще, этот род, ноги не протянул с таких возрождающих.

– А... их не будет волновать некоторые... особенности её характера?

– Имеете в виду, не побоится ли будущий муж? Нет. Есть разные способы подчинить мага. Женщину. И брачная клятва многое меняет.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Чтобы вы поняли. В покое вас не оставят. У вас есть

големы. Есть маги. Но у них тоже. И големы. И маги.

И в количестве куда больше, чем у Миары. Да и не факт, что те, кто еще недавно ей кланялся, не решат, что безопаснее будет отступить. В лучшем случае. В худшем... вариантов хватит.

Небо полыхнуло.

А Михе подумалось, что грядущий апокалипсис – не такая уж и плохая штука. С апокалипсисом придется разбираться и магам.

– Мой человек может начать переговоры. От вашего имени.

– С магами?

– Естественно. Но вы должны решить, о чем будете говорить. И будете ли. Госпожа собиралась к мешкам? Возможно, это будет наилучшим вариантом. Тем паче в нынешних обстоятельствах.

– Вы много знаете.

– Работа такая.

– На отдых не собираетесь?

Наемник рассмеялся. Искренне так.

– Все-таки вы дикарь, – сказал он с улыбкой. – Люди, подобные мне, отдыхают на том свете.

Чтоб его.

– Погодите, – Михе замялся, не зная, как поступить. Все же погано, что маги вот так... то ли выживут, то ли нет. – Если вдруг... она не очнется. Что вы будете делать?

– Дождусь, когда сын поправится. Если он поправится, – тут наемник помрачнел и добавил. – Идиот. Но в любом случае вернусь в Город. И не стоит опасаться. Я не причиню вреда.

– А пользу? Не хотите пользу причинить?

– Какое любопытное стремление. Возможно, вы не знаете, но причинять пользу людям довольно опасно для здоровья. Особенно, когда об этой пользе не просят.

Издевается.

– Контракт, – сказал Миха.

– Условия?

– Сопровождение. Охрана. Мы... скоро должны будем отправиться в одно место...

О котором у Михи весьма и весьма смутные представления.

– И там найти некую вещь... а потом... потом будет ясно. Или не будет.

– Надо же... пойти туда, не знаю куда. Найти то, не знаю что?

– Именно.

– Согласен.

– Seriously?

– Почему нет. Вы хотя бы не планируете никого убить.

– Ну... наверное.

Миха осторожно пожал протянутую руку. Та была холодной. Жилистой. А еще не отпускало чувство, что и второй

руки наемнику хватило бы, чтобы перерезать Михе горло.

Не перерезал?

Уже хорошо.

Кажется, в этом мире научился радоваться малому.

Винченцо открыл глаза. Он точно не мог сказать, что произошло. Его состояние ухудшилось? Несомненно. Все же раны. И остальное тоже. Странно, как он вовсе пережил смерть Алефа.

Дышалось... легче.

Он чувствовал воздух, который втекает внутрь, наполняя легкие. Он чувствовал и боль в растягивающихся мышцах. И узор трещин на ребрах. И то, что кости эти по непонятной причине сделались хрупки. А огонек дара почти погас.

Наверное, он все-таки умрет.

И то, что жив пока еще, это сродни чуду.

Чудо сидело здесь же, уставившись на Винченцо узкими черными глазами.

Ица.

– Т-ты, – выдавил он. И легкие болезненно сжались на выдохе, грозя вовсе схлопнуться. Тогда он умрет. Но нет. Снова разошлись ребра, сдвинулась вниз диафрагма. И воздух устремился в него, как в пустой сосуд.

Со свистом.

– Вернулся, – Ица приподнялась и приложила палец к губам. – Видел?

– Что?

– Что? – переспросила она. Издевается? Или... скорее уж спрашивает. Винченцо хотел ответить, что ничего не помнит, но не смог.

И теплая детская ладошка легла на голову.

– Мыслей много, – сказала девочка. – Суеются. Вот и слей. Спи.

Он послушно уснул.

Только еще ощутил, что совсем рядом, близко, недопустимо близко, есть еще кто-то. И этот кто-то тоже дышал сипло.

Миара.

Она...

Почему? Не важно. Главное, что он сам потянулся к этому теплу, пусть даже во сне. Обнял. Укутал.

Он не сумел защитить. Ни её. Ни себя. И никто не сумел бы. Но они выжили, и если так, то умирать сейчас будет нечестно. Да и не хочется. Поэтому со смертью Винченцо слегка погодит.

Для начала и вправду выспится.

Второй раз его разбудил шепот. Громкий. Повизгивающий. И главное, слов-то не понять. Сперва не понять было, а потом он вдруг осознал, что понимает. Что язык чужой, а он все равно понимает.

– Госпожа, зачем вы тратите силы на этих... проклятых?

Винченцо попытался понять, где находится.

Комната.

Кровать? Кажется. Одежда промокла, простыни тоже, будто воды плеснули. Жарило его? Да, как ни странно, но теперь он прекрасно понимал все, что происходило. И сны тоже.

Безумные сны.

Мертвецов, которые приходили, один за другим. Всех. От того безымянного раба, который умер тогда, на алтаре, до матушки. И... и приходили.

Смотрели.

Молчали.

Если бы сказали хоть что-то. А Винченцо пытался. Говорить. Оправдываться. Что-то даже объяснял. Бывает. В горячке и не такое привидеться может. Но он, кажется, преодолел кризис.

Миара?

Здесь. Тоже спит? Похоже на то. Спокойное у нее дыхание, ровное. Как и сердечный ритм.

Ица... её Винченцо видел пятном желтого света. Неяркого. Теплого.

Дикарь?

В комнате его не было.

Но был кто-то еще, кто-то весьма близкий к Ице по ощущениям, пусть свет его и был совсем слабым, приглушенным. Этот человек и шептал.

– От них лишь вред один!

– Уйди.

– Вы нужны дома, госпожа! Ибо предсказание сбывается! Небеса вот-вот изольются огненным дождем. Живые земли станут мертвыми, а мертвецы поднимутся, собирая дань с земель. И слезы вдов наполнят чаши Мертвых озер.

Надо же, и у мешеков есть предсказания.

– Знаю, – спокойно ответила Ица.

– И милостью богов лишь вы способны спасти мир...

Маленькая девочка?

Ладно, весьма странная маленькая девочка, чей дар, говоря по правде, пугает. Но полезен, да. Сердце Алефа билось в груди ровно и... ощущалось своим.

Маги тоже могли пересадить сердце. И не только его. Ладно, далеко не все маги. И не всегда удачно. Провалы случались и у лучших. А еще ритуалы были сложными, требующими подготовки.

Энергии.

Особых зелий. Да много чего. Она же просто взяла и... если бы Винченцо мог двигаться, он бы накрыл полученное сердце рукой.

– Нет.

– Госпожа, я умоляю...

– Отстань.

– Я настаиваю.

– Нет.

Надо что-то сделать. Подать... знак? Пошевелиться хотя бы?

– Вы еще так юны... – с печалью произнес человек, которого Винченцо не видел. – И слушаете сердце, а ему верить нельзя.

– Кому можно?

– Разуму. Только разуму, госпожа. Разум – суть огонь, что развеет тьму. Разум – путь, что протянулся от истока времен.

Красиво говорит, а главное, знакомо до боли. Отец вот тоже любил рассуждать о разуме. И главное, тогда, раньше, рассуждения его казались такими логичными.

Правильными.

Разумными, мать их. А теперь почему-то горько было. От собственной глупости и еще бессилия. Мертвецы восстанут? Они уже... и да, возможно, стоило умереть, чтобы понять то, что Винченцо понял.

Он с трудом разлепил веки.

Мешек.

Тот самый жрец, которого он видел... да, видел... когда добирались из лагеря. Только тогда жрец был грязным и походил на оборванца. Сейчас, пусть бы и одетый по здешней моде, он все равно выделялся. Кожа его была красна, как медь. А длинные волосы, заплетенные в косицы, черны. В косицах этих поблескивали бусины. Лоб пересекала длинная красная полоса. И по три еще украшали щеки с каждой стороны.

Смотреть было больно.

– Разум дал нам надежду. Всему миру.

– Меня?

– Вас госпожа.

Жрец смотрел на девочку... снисходительно? Пожалуй. А ведь тоже странно. Стоит, согнув спину, но этот взгляд категорически не сочетается с позой. И чему верить?

Ничему.

– Расскажи, – Ица повернулась к нему, и теперь Винченцо видел только её спину, точнее зеленый бархат наряда. Кажется, баронесса еще не отказалась от мысли облагородить дикое дитя.

Хотя кто тут дикий...

– Вы вернетесь, госпожа, – это прозвучало утверждением. – И исполните предначертанное. Вы подниметесь на вершину первой пирамиды, чтобы принести богам величайшую жертву. И сердце ваше напоит солнце силой...

Погодите, он это серьезно?

Он собирается принести её?! Хотя чего еще от мешков ждать.

– Нет, – спокойно ответила Ица.

– Но вы должны. Ради мира. Мир...

– Расскажи, – она щелкнула пальцами и лицо жреца дернулось. А сам он вдруг застыл. И даже дыхание его стало другим. А Ица повернулась. – Подслушивать плохо.

Это она произнесла с укором.

– Я... не нарочно. Я... я понимаю, что вы говорите.

И сейчас она обращалась на своем языке.

– Духи, – ответила Ица так, будто бы это что-то да объясняло. И добавила. – Ты прошел их дорогой. И духи тебя пропустили.

– Это был бред.

А вот говорить получалось плохо. Язык заплетался, не способный выговорить такие чужие, такие неудобные звуки. Но его поняли.

– Духи, – Ица сползла с кровати и подала руку. – Духи видят. Суть. И духи знают, кто есть кто. За каждым идут его. И твои сочли, что ты достоин жить.

Рука её была маленькой.

И теплой.

Духи? Пусть будут духи. Все объяснение. Или вот еще можно говорить о тонком мире. Кажется, кто-то там в прошлом пытался доказать, что эманации силы можно использовать для переноса информации. Вот в Винченцо и перенеслось знание чужого языка.

А что, собственный организм его был ослаблен.

И Алеф с его заклинанием.

Древняя сила. Древняя магия. И духи. Все складывается одно к одному.

– А она... – Винченцо сумел сесть. Тело слушалось, хоть и плохо. А вот Миара спала. И улыбалась во сне. Она редко улыбалась вот так, искренне. И главное, было страшно, что этот сон, каким бы он ни был, прервется. – Она тоже видит... духов?

– Откуда мне знать? Вернется – спросишь. Но она еще не совсем дрянь.

Ица слезла с кровати.

А ведь босая. И чулки куда-то подевались. Тут же полы холодные. В замках всегда полы холодные, но это и понятно, камень все-таки.

– Помоги, – она обернулась к Винченцо. – Что сидишь? Вставай. Его надо привязать. Долго не удержится.

– погоди, – он вытянул руки.

Дрожали.

И...

И да, сползти с кровати вышло. Даже не рассыпался, хотя по ощущениям, что еще немного и точно рассыпался бы. Но нет. Шаг. Качает. И слабость дичайшая. Но если опереться на протянутую руку... теплую такую, как солнце.

– Я вижу твою силу.

– Духи тебя приняли.

– Или просто произошли изменения в мозгу под воздействием... чего-нибудь.

– Духов.

– Можно и так. Ты уверена, что его нужно связывать?

– Нужно.

– Тогда... я тебе помощник слабый. Я даже затянуть веревку не смогу. Ты... ты сходи за кем-нибудь... дикарь вот... думаю, тоже будет полезно послушать. А я пока...

Он вцепился в плечо жреца, который так и не шелохнул-

ся. А потом нащупал пальцем жилку на шее. Надавить и подождать. Много сил это не потребует.

Тело рухнуло под ноги, и Винченцо с ним.

– Хорошо, – Ица подхватила юбки и ругнулась. – Как же неудобно... а ты тут будь! Не уходи.

– Куда я денусь.

Винченцо все-таки поднялся на четвереньки и обыскал жреца. Снял клинок с пояса, еще один – со щиколотки. Спрятан был тот неплохо. А в темных волосах укрылась пара тонких костяных игл, весьма опасных с виду.

Их Винченцо тоже отложил в сторонку.

Подумал и снял крохотный фиал, вплетенный в волосы. И пару браслетов, которые ощущались слегка теплыми, а значит, явно были непростыми.

Стащил ботинки. Иногда и в них прятали кое-что полезное, но нынешние явно были не из тех. Старые, запыленные и стоптанные едва не до дыр.

Вот так-то лучше.

Он поглядел на Миару, которая по-прежнему спала. А если попробовать... нет, не стоит. Духи, воздействие ли, пусть идет, как идет. Умиравшей она не кажется, а значит, причин вмешиваться, рискуя усугубить ситуацию, нет.

Глава 8

Винченцо

Ждать пришлось долго.

Невыносимо.

Винченцо положил руку на шею, надеясь, что у него хватит сил снова отключить жреца, если вдруг ему вздумается прийти в сознание. Обманываться не стоило. Духи там, колебания тонкого поля или еще что, но сейчас он был слабее котенка.

Это заставляло ощутить себя по-новому.

И ждать.

В какой-то момент, поняв, что еще немного и он сам отключится, Винченцо прикусил губу до крови. И принялся считать. До тысячи.

До...

До сотни для начала. Это ведь немного, до сотни продержаться. До двухсот.

До...

На четыреста пятьдесят трех дверь открылась.

– Надо же, и вправду живой, – его подхватили. – Да отпусти ты его, еще придушишь ненароком. А я как понял, этот поганец нужен.

Винченцо помогли подняться и почти оттащили к кровати. Правда, Дикарь хмыкнул и сказал:

– А лучше пока посиди.

И усадил или, вернее будет сказать, затолкал в кресло. Тепло отозвалось ноющей болью, но Винченцо выдержал.

– П-пить.

– Сейчас. Слушай... может, позвать кого? – спросил Дикарь, но чудовищное дитя покачало головой. – Он же ж того, мало лучше покойника выглядит. Еще загнется ненароком.

Загибаться Винченцо не собирался.

И кубок с водой сдал обеими руками. Пить получилось. И влага принесла силы. Во всяком случае, их хватило, чтобы сидеть, не слишком заваливаясь на бок.

– А это у нас... – Дикарь меж тем подошел к лежащему и перевернул его на спину. – Может, в пыточную? Там, помнится, все было надежно, цепи, стулья...

Произнес он мечтательно.

Девочка подумала и кивнула. Уточнив лишь:

– Сейчас.

И говорила она на всеобщем языке, правда, в её произношении звучало смешно.

– Эй! – возмутился Винченцо. – А я... я тоже в пыточную хочу! То есть, не в том смысле, но... я во всяком случае понимаю, что они говорят.

– Духи, – важно произнесла девочка.

– Ладно... всех в сад... то есть, в пыточную. Её тоже нести? – Миха указал на Миару, которая, кажется, начала что-то бормотать, но просыпаться не спешила.

– Пусть спит. Но... охрану бы.

– Охрану всем бы. Погоди, тогда кликну кого... и этого вот, – вместо веревки Дикарь использовал пояс, причем весьма умело. Пояс выглядел довольно толстым, но Винченцо не обольщался.

В пыточной оно и вправду как-то надежнее.

Что он вообще о мешках знает?

Девочка опустилась перед лежащим на колени, при том задрав пышные юбки так, что эти колени, почему-то ободранные, выглядывали из бархатного вороха.

– Расскажи, – попросил Винченцо. Говорить на чужом языке было неудобно, а молчать страшно, потому что с молчанием он рисковал снова вернуться в беспамятство. Пусть даже телу и необходим отдых, но не сейчас. – Кто он?

– Жрец, – Ица поглядела исподлобья.

– Он молится?

– И приносит жертвы, – она почесала коленку и одернула ткань. – У твоей сестры другие наряды.

– Она маг.

– А мать моего мужа?

– Она не маг, но просто знатная женщина. Мода может отличаться. Я, честно говоря, не особо в ней разбираюсь. Лучше у Миары спроси.

– Она меня не любит.

– Она никого не любит. Так... безопасней.

Ица склонила голову чуть на бок. И в темных глазах её

почудился немой вопрос.

– Когда у тебя есть кто-то, кого ты любишь, его легко отобрать. Или сделать что-то.

– Плохое?

– Да.

– Он отобрал маму, – Ица ткнула под ребра жреца пальцем. – Он думает, я маленькая и глупая. Не понимаю. Он думает, что знает, что мне делать. И что я послушаюсь.

Жреца стало немного жаль.

Вот кем-кем, а маленькой и глупой назвать девочку Винченцо поостерегся бы. И уж точно не стал бы надеяться, что она кого-то там послушает.

– Как получилось, что тебя... что ты оказалась здесь? – пусть язык у них неудобный, аж горло дерет, но он хотя бы может спросить. Вряд ли ему ответят правду.

Всю – точно нет.

Но этот разговор... это хороший повод удержаться на краю.

Дверь открылась, пропустив двоих, которые подхватили жреца и бодро потащили прочь.

– Я распорядился, что его пока закроют внизу. А тебе надо умыться, переодеться и поесть чего-нибудь.

Ица нахмурилась.

– Он никуда от тебя не денется, – успокаивающе произнес Дикарь. – А маг нам будет нужен. Куда бы мы ни собирались сунуться, там всяко легче с магом, чем без него.

Девочка посмотрела на Винченцо. И он перевел.

– Да, – после нескольких мгновений раздумий сказала она. – Хорошо. Он надо.

И снова говорила так, чтобы её понял не только Винченцо.

Мыли его здесь же. И рабы торопились, вода была едва теплой, а мыло – едким, но само ощущение чистоты придавало сил. А бульон, густой, тягучий, Винченцо глотал сам. Пусть из кубка. Пусть почти обливаясь.

Но сам.

Ица устроилась на втором кресле. Там и сидела, не обращая внимания ни на испуганные взгляды рабов, ни на укоризненный – Джера. Мальчишка, само собой, не пропустил удивительной новости о чудесном выздоровлении.

Или не чудесном.

И почти выздоровлении.

Главное, пришел вместе с рабами, которые и притащили, что таз, что ведра с водой. А потом и остался. Пока Винченцо отмывали, юный барон просто сидел. Непокойно. Он ерзал. И хмурился. И открывал рот, но столкнувшись взглядом с Дикарем, его же закрывал, но хмурился еще больше.

– Что? – не выдержал Дикарь.

– Девушке... благородного рода нельзя смотреть на голых мужчин!

И покраснел.

– Она спиной сидит.

– Это неприлично!

– Почему? – вполне искренне удивилась Ица и даже обернулась, явно опасаясь пропустить что-то по-настоящему интересное.

– Потому что неприлично! Непристойно! И... – и аргументы у Джера закончились. – Это может её... её ранить. Стыдливость.

Последнее слово он пробормотал.

А Винченцо с трудом подавил смех. Во-первых, во время купания стыдливость юной Императрицы, если таковая у нее имелась, оградили шелковой ширмой. Во-вторых, его в конце концов одели.

– Мужчина, – Ица указала на мага. Потом на Джера. На Дикаря. – Мужчины. Женщина. Мужчины одно. Женщины другое.

Она перевела взгляд на Винченцо.

– Скажи им, что дети Неба не видят стыдного в человеческом теле. И каждый знает, как оно устроено.

Винченцо перевел.

И про себя сделал заметку. Надо будет написать. Как-нибудь... пока его не убили вместе с особо ценными знаниями по воспитанию мешеков. Но сам кивнул и добавил от себя:

– Маги тоже довольно рано начинают изучать анатомию. Это необходимо. И в теле, в созерцании тела действительно нет ничего стыдного. До нас дошли статуи, которые изображали людей. Это не совсем статуи Древних, хотя... скульп-

туры как правило обнаженные.

Краснота добралась до ушей барона. И тот поерзал.

– Это маги, – буркнул Джер. – У вас все, как не у людей.

– Может, просто люди забыли, как оно... у людей? – добавил Винченцо.

Силы возвращались. Потихоньку, но не было боли, точнее та, что осталась, была далекой, и потому он мог позволить себе не обращать на нее внимания. Хотя, конечно, странно, что ноги зажили. Ни одно заклятье не способно вот так взять и...

Снова духи?

Тот странный дар, которым девочка, вне всяких сомнений, обладала? Вмешательство богов?

Главное, что он чувствовал эти ноги, и спину, и даже огонек собственной силы не погас, но сделался будто ярче. Уже за одно это стоило бы поблагодарить. Понять бы кого еще.

– Готов? – Дикарь забрал опустевший кубок и поставил на стол. – Если нет, то мы сами как-нибудь.

– Вот еще, – Винченцо потер щеку, на которой проступила щетина, пусть редкая, но раздражающая. – Я тоже хочу.

– В пыточную...

Осталось развести руками.

Его несли на руках, та самая пара наемников, что уже отволокла в подвалы жреца. За ними следовал Дикарь, затем— Ица, взявшая за руку жениха. И тот что-то бормотал, что ли

пытаясь рассказать о здешних правилах, то ли просто высказывая свое несогласие.

В пыточной разожгли жаровню. И Винченцо порадовался, когда его усадили, пусть даже вид кресло имело... специфический. Зато стояло близко к огню.

Хорошо.

А вот для жреца нашлось и другое, с прочными кожаными петлями. Они обнимали и щиколотки, и запястья. Еще одна проходила по груди, под руками. Последняя захлестывала шею, заставляя пленника сидеть прямо.

Глазами он все же вращал и весьма грозно.

Палач, показавший себя человеком знающим и ответственным, спокойно раскладывал инструмент на железный лист, под которым переливались рубиновым цветом угли. Ведро с водой он тоже приволок, как и пустое, если вдруг пленнику подурнеет.

– Госпожа! – завидев Ицу жрец встрепенулся и подался было вперед, насколько это получилось. Но ремни впились в кожу. – Госпожа, что происходит...

Ица обошла его кругом, придерживая при том слегка запылившиеся юбки. И остановилась перед ним, так, чтобы жрец мог видеть её.

– Ты, – сказала она и, вытянув руку, коснулась лба. – Ты знаешь, кто убил мою маму.

Винченцо перевел для остальных. Говорить пришлось тихо, едва ли не шепотом, но его поняли.

Джер махнул палачу, и тотчас возле кресла появилась два низеньких табурета.

– Тебе тут не жестко? – заботливо осведомился Дикарь.

– Нормально, – Винченцо поерзал.

– А дырки зачем?

– Это механическое кресло, – Джер сунул в указанную дырку палец. – Его давно изготовили. Не работает уже. А раньше надо было крутить колесо, и через дырки шипы выползали. Их еще можно было смазать чем.

– Это маги, госпожа! – возопил жрец. – Они наслали проклятье! То сделало кровь вашей матушки черной и разъело нутро.

– Как?

– Это у магов спросите!

– Проклятья есть разные, – тихо произнес Винченцо. – К сожалению, я точно не скажу, какое использовали. Я и близко не проклятийник. А они свои тайны хранят. Хотя... Ица, извини, что прерываю, но погибла лишь твоя матушка?

Легкий наклон головы.

– Ни служанки, ни рабы, ни даже животные? Больше никто не заболел?

– Нет.

Теперь она повернулась к Винченцо. Взгляд у нее тяжелый, совершенно недетский. Но страха нет. Он или устал бояться, или слишком слаб, чтобы тратить силы на страх.

– Тогда это направленное проклятье. Наведенное. Обыч-

ные проклятья имеют определенный... радиус, – Винченцо очертил круг. – Действия. Центром их становится некий предмет или существо. Однако все-то, кому случается быть рядом, страдают. В разной степени. Ненаправленные проклятья опасны тем, что могут вызвать болезнь. И потому... с ними стараются не иметь дела.

Он делает паузу.

Тяжело говорить вот так, долго. И понимающий палач – все-таки хороший он человек, душевный, – подает кубок. Вода? Травяной отвар. Горьковатый. Но сухость во рту уходит.

– Однако сделать их проще.

– А другие?

– Направленные хороши тем, что действуют на определенного человека. Однако и создать такое сложнее, если говорить о чем-то и вправду действенном. Кроме того, для создания нужна кровь, волосы или телесные жидкости прокливаемого.

Он все-таки сбивается, потому что тот, другой язык, неудобен. Но Ица понимает.

Правда, только она, и приходится все повторять снова. Для остальных.

– Кто-то должен был собрать их, – она поворачивается к жрецу. – Слышал? Ты все слышал. И все понял.

Губы жреца сжимаются.

– Ты приходил к нам. Всегда. Тебе были рады. Мама. Она

говорила с тобой. Долго. Долго-долго. Каждый раз. Ни с кем так долго. И служанок отсылала, оставляя только одну, старую, ту, которую ты когда-то привел.

А вот переводить легко.

И Джер хмурится. А Дикарь добавляет очевидное:

– А и вправду, надо в ближнем круге искать. Того, кто сумеет добыть. Кровь там или другое. Еще найти магов. Договориться с ними...

– Договориться как раз несложно, – Винченцо на мгновение отвлекается от чужой беседы. – В городе многие работают с теми, кто если не враг, то и не друг. Существуют посредники. Если есть, чем платить, то... мешки богаты. У них много золота. И не только золота.

– Стало быть, хорошие клиенты?

– Именно. И... проклятийники никогда не распространяются о своих заказах. Часто они и вовсе не знают, для кого готовят. Получают компоненты. Отдают проклятье. И все.

Просто.

Наверное, им и не слишком-то хочется знать, кто станет жертвой. Винченцо точно не хотел бы. Он бы и сейчас о многом предпочел бы забыть.

Кто ж позволит.

– Слышал? – Ица ткнула жреца под ребра. – Служанки собирали волосы моей матушки. И простыни, на которых она спала, предавались огню. Вода, которой омывали её тело, спускалась в воды священного озера. Никто не мог... никто,

кроме тебя! Она тебе верила! Она...

– Она была моей сестрой! – взвизгнул жрец. – И я привел её к твоему отцу! Я!

Ица кивнула.

И села, прямо на пол. Черные глаза его прищурились, сделавшись совсем уж узкими. И под взглядом её жрец заерзал.

– Мы... мы хранили кровь... было предсказано, что... мир снова встанет на краю гибели. Что пройдут годы. И многие годы. Многие-многие...

– Я поняла.

– Что кровь благословенная ослабнет, а знание будет утрачено. Что к власти придут те, кому нужна будет лишь власть. А люди, поставленные стеречь врата неба, забудут, для чего они это делают. И лишь избранные сохранят разум. И кровь.

– Ты?

– Мы. Нас немного. Мы следили. Стояли в тени трона. В тени Храма. Издревле. Собирали кровь по крупичам. Искали потерянных детей Императора, дабы воссоединить их меж собой.

– Опять двадцать пять, – проворчал Дикарь.

– И праотцы наши оказались правы. Годы шли. И Императоры становились раз от раза слабее. Они утратили способность слышать небеса. А после и взывать к ним. Они стали обыкновенными людьми по сути своей. Тогда как мы... мы возродили утраченное! И в час, когда на небесах вспыхнула первая звезда, знаменуя начало последнего пути, на свет

появилась дитя, чья кожа была бела, как вершины гор, а волос подобен чистейшему серебру. Она сама казалась ледяной, пусть даже кровь её была горяча.

Жрец облизал губы.

– И тогда мы поняли, что сотворили сосуд. Благословенный сосуд, в котором взрастет избранная.

Избранная нахмурилась.

– Мой отец, который умел читать пути звезд, составил карту жизненного пути. И во многом огорчился он, указав, что сестра моя, невзирая на веру, окажется слаба... что привяжется она к супругу своему.

Ица поджала губы.

– И дитя, ею рожденное, решит она спасти от начертанной участи, невзирая на то, что мир падет в бездну...

– Хрень какая, – сказал Дикарь, но тихо.

Винченцо дернул головой. Переводить и так непросто. А тут...

– Падет! И прольются небеса огнем! И мертвые восстанут из бездны, дабы покарать живых! И земли обернутся прахом, а прах поднимется в воздух. Черные тучи его будут носиться по-над миром, и не останется в нем ни человека, ни зверя, ни рыбы.

Он выдохнул.

И продолжил тихим зловещим голосом.

– Если не будет принесена великая жертва! Дитя благословенной крови взойдет на вершину пирамиды, дабы серд-

цем своим накормить богов!

– Вот точно хрень, – повторил Дикарь громче.

И Винченцо с ним согласился.

А вот жрец, услышавши этакое, рванулся было. И захрипел, когда палач дернул за петлю на шее, сказавши:

– Не балуй.

– Вы... – во взгляде мешека было столько ненависти, что стало не по себе. – Вы проклятые... маги... мните себя великими, но берете силу мира! Вы пьете его кровь, плодите ужасы и болезни. Вы суть зло, которое необходимо уничтожить!

– Тихо, – Ица поднялась и прижала палец к губам.

Жрец замолчал.

А она провела ладошкой по щеке, наклонилась близко-близко, даже показалось сейчас, что она поцелует этого человека, но нет. Взгляд его вдруг остекленел. А рот приоткрылся, и меж зубов показался толстый темный язык.

Выглядело это уродливо.

– Не получилось, – вздохнула Ица, поглядев на жреца, а потом хлопнула его по щеке. И тот очнулся, замотал головой, замычал, а после вовсе впился в язык зубами. И по подбородку потекла кровь.

– Челюсти свело, – Дикарь не пошевелился. – Этак вовсе язык откусит. И кровью захлебнется.

Подобный вариант Ицу, кажется не устраивал.

И девочка снова щелкнула жреца по носу, а тот замер.

– Так, – Дикарь поднялся с места. – Долго ты сможешь его держать вот так?

– Нет.

– Ладно, тогда надо зафиксировать получше, чтобы он и пошевелиться не смог. И меж зубов надо сунуть что-то. Палку какую, но мягкую, чтобы зубы не покрошил. Он вообще тебе еще нужен?

Ица кивнула.

Задумчиво так кивнула.

– И пытаться смысла нет.

– Позволь не согласиться, – Винченцо попытался было подняться. – Грамотное воздействие...

– Заставит его или выть и материться, – возразил Дикарь. – А если продолжим, он будет говорить то, что мы хотим слышать. Но скорее всего просто выть и материться. Видно же, что он... одержим своей идеей. И уверен, что прав. Да... так вот, с такими надо договариваться. И сперва пусть посидит здесь пару часов. Или не часов. Подумает. Только развязывать его нельзя. А то еще станется самоубийцей во спасение мира. И нам подумать не мешает.

– Над чем?

– Над всем, – Дикарь подхватил девчонку на руки. – А ты... ты тоже подумай, оно тебе надо все знать? Во взрослой жизни столько дерьма.

С этим Винченцо согласился.

А вот с тем, что знать не надо – нет. Надо. И всем. Пото-

му что нынешнее дерьмо грозило стать самым дерьмовым из всех.

Глава 9

Миха

Миха с удовольствием втянул воздух. Пахло... да привычно пахло. Камнем. Скотиной, которую держали прямо тут, в замке, и людьми. Купался в пыли выводок уток. И толстая служанка, переваливаясь с боку на бок, куда-то спешила. На голове её возвышалась плетеная корзина, едва ли не большая, нежели женщина. Но разглядеть, что же в корзине, не получалось.

Стучали молотки.

Кто-то орал, то ли на работников, то ли сам по себе. И солнце палило нещадно.

Хорошо.

После замковых подземелий – даже очень. Он стоял и просто дышал, не способный отделаться от навязчивого смрада, что привязался внизу. Казалось, что и одежда, и сам Миха пропитались этим запахом тоски и безысходность.

Пусть даже пленников он не видел.

Но пыточная.

И человек в том кресле. Гребаный фанатик, конечно, но все равно ведь человек. А об этом никто и думать не станет, если решат, что надо разговорить. И главное, правы ведь будут.

Информация нужна.

Но пытки... Миха надеялся, что ему не придется присутствовать. Все-таки одно дело мертвец, пусть и временно оживший, и совсем другое – живой человек. Он не сможет. Просто-напросто не сможет.

Тюфяк гуманный.

А гуманизм не в моде.

Ица, до того сидевшая на руках тихонько, шевельнулась.

– Плохо думаешь, – сказала она, выворачиваясь.

– Тут грязно, – предупредил Миха.

Нет, во дворе замка, безусловно, убирались. Время от времени. Но люди. И лошади. Свиньи те же. За всем не уследишь.

– Ничего, – она почесала ногу. – Тут посидеть. Тепло. Хорошо.

И огляделась. А потом весьма ловко вскарабкалась на деревянные перила загончика. Внутри гоготали гуси, которые тотчас повернулись к девочке. А та погрозила им пальцем, и гуси снова сделали вид, что они просто так себе безмозглые птицы.

– Расскажешь? – Миха огляделся.

Мага унесут наверх. Джер рядом крутится и вид пренедовольный. Миха взял на себя больше, чем следовало? Потом извинится.

И объяснит, что маленькие девочки, которые ко всему чужие невесты, его не интересуют вот совершенно. А вообще за мальчишкой приглядывать стоит. Мамаша его спит и ви-

дит, как бы Миху выпроводить. И конец света приближающийся вряд ли на нее повлияет.

А значит, осторожнее надо быть.

С обеими.

– Что? – Ица мотала ногами.

А люди, которым случалось пройти мимо, старательно делали вид, что ничего-то необычного не происходит.

– Все. Давай с самого начала. Если здесь опасаясь...

Она мотнула головой. Эта девочка определенно ничего не опасалась.

– Мама заболела, – она задумалась, явно пытаясь сообразить, с чего же начать. – Отец любить. Мама. Сильно. Он мочь взять много жен. Много-много.

Она растопырила пальцы на руках.

– Но не стал?

– Ему говорить. Мама родить я. Только. Других нет. Говорить, что слабый. Что надо наследник. А он не хотеть. Даже просто женщин. Там много женщин. И все хотят быть с отец. Раньше. Отец умер.

Она снова задумалась, явно пытаясь свыкнуться с этой мыслью.

А Джер бочком подобрался ближе. Но тревожить не стал, только на Миху поглядел так, что едва совесть не проснулась. Нет уж, совести здесь не место, а знать, что же там случилось, надо.

– Этот жрец...

– Приходить. Раньше. Быть Верховный. Верховный старый. И скоро помереть. Так рабы шептать. Но бояться.

– Верховного жреца?

Она кивнула.

– Страшный такой?

– Нет. Добрый. Он не говорить, что я... нехорошая. И маму слушать. И утешать, когда она плакать. Нет, Верховный... хороший.

– А чего бояться? – не выдержал Джер.

– Он идти вверх, – Ица указала на небо. – И говорить. Приносить богам. Резать.

Она постучала по груди.

– Сердце. Для богов. Он не злой. Но так надо.

– То есть, он приносил в жертву людей?

– Да.

Миха прикусил губу. Добрый дедушка... хотя... палач тоже, если подумать, сам по себе человек не злой.

– Я раньше мало думать. Не видеть. Играть. И с мама. Мама говорить. Много. Сказки. Я думать, что сказки. А она... она говорить, что жила далеко-далеко. В тайном месте. А потом её привели. И сказали, что она должна. Должна... – девочка произнесла что-то на своем. И Миха пожалел, что отпустил мага.

Потом подумал и решил, что и так ясно, чего она там должна.

– Она думать, что один ночь, – Ица показала палец. – И

назад. А отец сказать, что нет. Он сказать, что жена.

То есть у жрецов были планы, но вмешался Император, перечить которому они не рискнули. Или не были уверены, что избранная забеременеет, все же дело такое, тут одной ночи может и не хватить. Или подумали, что не стоит из-за мелочей конфликт нагнетать. В конце концов, Император ведь.

И бабья вокруг него полно.

Рассчитывали, небось, что поиграется да и забудет. С Императорами подобное случается частенько. А он взял и не забыл.

Влюбился.

На сказку похоже? Похоже. Только финал у этой сказки так себе. В духе места и времени.

– Мама тоже любить. Говорить, что никто не заботиться так. Но другие не хотеть её. Жена.

И это тоже понятно.

Император ведь – фигура. И на место подле него рассчитывали многие. А тут появилась некая девица из ниоткуда и разом в дамки. То есть в императрицы. А еще и других жен брать отказался.

Понятное дело, любви это не прибавило.

– У меня быть все. Все, чего хотеть. И отец говорить, что посадит рядом. Что я наследовать, – она ударила в грудь кулаком и едва не упала. – Он дать мне другое имя. Мальчик. И сказать всем, что я мальчик.

Миха переглянулся с Джером, который тоже выглядел несколько озадаченным.

– Так надо. Император править. Кровь. Он водить меня к предкам. Тайна. Первая пирамида. Гореть огонь. Я дать свою кровь. Кровь принять. И предки сделать... – снова непонятное слово, и теперь уже надо бы запомнить, потому как чувствуется, что сделали предки чего-то такое, о чем стоило бы знать. – Я получить сила. А мама заболеть.

– погоди, – Миха тоже оперся на ограду. И гуси зашипели. Здоровые твари, однако. – То есть, твой отец отвел тебя куда-то... в особое место, где провел ритуал, который дал тебе способности?

Кивок.

– Сделал это тайно, хотя...

– Думаешь, тайны не получилось? – поинтересовался Джер и поежился. – Не люблю гусей. В детстве на меня такой налетел. Так чуть глаз не выклевал. В комнату подкинули.

Кто подкинул, уточнять, пожалуй, не стоит. Но на вопрос ответил.

– Император ведь. Он не сам по себе. Рядом постоянно охрана. И слуги.

– Рабы, – подсказала Ица.

– И они были?

Кивок.

– Несли, – она загнула пальцы. – Хранить. И еще помогать. Наверх. И жертва нести. Без жертва к богам нельзя. Да-

же Императору. Порядок.

– Так себе тайна, – оценил Джер. – Или рабы проболтались, или охрана... или вообще соглядатаи. Моя мачеха платила некоторым рабам, чтоб они за мной приглядывали. Издалека. Они и приглядывали. Вечно доносили, куда хожу и что делаю.

Ица подумала и опять кивнула.

– Он прийти. Потом. Тот жрец. Нинус. К мама. И говорить. Долго-долго. Она спорить. Он хотеть забрать меня. К себе. И говорить, что никто не узнает. Что будет другое дитя. Как я.

Она провела рукой по лицу.

Зеркало. То, о котором жрец упоминал. Хитрый засранец, однако. Интересно, впрочем, что пошло не так... когда... ведь если Миха правильно понял, то по изначальной задумке подмена занимает место Ицы, а сама Ица попадает в заботливые руки жрецов.

– Я слушать. Тихо, – Ица указала на уши. – Мама так сказать. И сказать, что нельзя верить. Совсем. Я не понимать. Мама говорить ему, что нет. Она не отдать меня. И отец не отдать. И он понять, что я – не я. И что тогда всем быть плохо. Горе. И что они ошибка. Я ребенок. Ребенок не мочь избавить мир от гнева.

Она явно волновалась.

– Конечно, ошибаются, – сказал Миха спокойно. – И хорошо, что твоя мама это поняла. Смерть одного ребенка вряд

ли что-то изменит.

Вздых.

И Джер открывает было рот, чтобы сказать что-то, наверняка успокаивающего толка, но тут же закрывает.

– Мама болеть. Он уехать. Нет. Сначала он уехать, а она болеть. Приходить Верховный. И другие. Все смотреть, но никто не знать. Она стать слабой. Совсем. Потом... потом еще хуже. И она понять. Она велеть мне прийти. Принести. И говорить. Что жрец хочет меня убить. Что есть Верховный и жрецы. И есть другие. Тоже жрецы. Тайна.

– Тайное общество?

– Да. Они иметь древний свиток. И читать. И там говорить про то, что мир опять гореть. И надо силы. Много. Чтобы щит бога поднять.

А вот про щит бога стоило бы поподробней.

– Что давно. Очень давно. Еще когда мешек жить на земля Цапли, они знать тайну. И уметь делать так, что был бог, – она заерзала и огляделась. – Сложно. Слов не знать. Бог спать. А когда час, он проснуться. И взять щит. Щит поднять. И тогда огонь там, в небе, сгореть. А земля – нет. И бог быть. Долго. Но потом что-то случиться. И бог спать. Его разбудить, но поздно. Мир гореть, – она вытерла нос рукавом. – И щит был слаб.

Хреново. Очень хреново. Но Миха приложил палец к губам. Он потом подумает над всем этим. Пока надо слушать.

– Жрец говорить, что бог надо сила. Много. И надо соби-

рать. Раньше не собирать, не успеть. И силы мало. Не хватить. Мешки ставить, — она сложила руки домиком.

— Пирамиды? — догадался Джер. И Ица повторила слово.

— Пирамида. И резать жертва. Сердца. Кормить бога. Бог есть и сил больше иметь. Но все одно спать. Надо разбудить. Так они думать. Но мама иначе.

Ица чуть пожевала губу.

— Мама говорить что тот, кто вести мешек тут, он взять часть бога. И потом разделить. И что потому бог не целый. И не мочь взять щит. Что кровь надо вернуть.

Ничего не понятно.

— А жрецы почему этого не знали?

— Знать. Но они думать, что можно иначе.

— Принеся тебя в жертву?

— Да.

Понятно. Оно же ж куда проще вырезать сердце одному ребенку, чем шариться по миру, пытаясь отыскать части то ли божества, то ли сверхчеловека, то ли вовсе древней машины.

— Итак, твоя мать заболела. Почему она ничего не сказала отцу?

— Бояться. Он любить. Но Император. Узнать, что она... не то. Не сам. Что жрец привезти. Сильно злиться. И убить. Её. Меня. Или решить, что надо и отдать.

Миха подумал, что на месте Императора не столько обиделся бы, сколько бы испугался. Ну или напрягся, если им-

ператорам по статусу бояться не положено. Хотя кто их, императоров, вообще знает?

Вдруг бы и вправду решил, что спасение мира важнее жизни отдельно взятого ребенка.

— Она думать, что меня заменить, когда она умереть. И она найти. Женщина. Сказать, что та спрятать. И я идти с ней. Пить вода. А потом заснуть. И проснуться тут. Та женщина обмануть. Предать.

Ица зашипела что-то, явно не благословение.

Впрочем успокоилась она довольно быстро. И задумчиво поглядела на гусей, что топтались в загоне, тянули длинные белые шеи, стремясь достать до девочки.

— Духи знать, — сказала она, наконец. — Духи чертить путь. Я есть ключ.

Рука прижалась к груди.

— А тут сердце бог. Мир не хотеть умирать. И духи. Мы принести сердце бог домой. И подняться.

— На вершину пирамиды?

— Да.

— В жертву я приноситься не хочу, — на всякий случай уточнил Джер. — Даже за спасение мира.

Ица рассмеялась.

— Нет. Там... сила. Много. И там тоже часть бог. И если сердце и другое быть, то бог проснуться. И щит тогда.

Она нарисовала руками полукруг.

— Щит спрятать мир. И огонь гореть там.

На план это походило.

Правда на очень и очень хреновый план.

Глава 10

Ирграм

Со скалы Ирграм спускался осторожно. Если тут и была тропа, то пользовались ею во времена незапамятные, если вовсе пользовались. А потому дорогу приходилось искать наощупь. Тело его, к великой радости Ирграма, оказалось не только сильнее и выносливей старого, но и показало себя весьма гибким.

Теперь он скрупулезно отмечал различия.

Зрение его, утративши цвет, сделалось более острым. При том, что острота эта оказалась весьма интересного толку. Ирграм при желании мог увидеть каждую травинку, а уж движение и вовсе казалось ярким, словно росчерк звезды на небе.

Двигались, впрочем, лишь мыши и какой-то весьма шустрый зверь, на этих мышей охотившийся.

Этот зверь, почуяв Ирграма, благоразумно скрылся в трещине.

Трещины попадались на пути часто. Одни были вовсе крохотными, другие расплзались темными нитями, грозя со временем обернуться вполне себе крупными разломами. Однажды путь пересек такой, и Ирграм даже решил было искать обход, но тело, сжавшись пружиной, с легкостью перемахнуло пустоту. Когти впились в землю на той стороне, а в нос пахнуло дымом.

И запах этот заставил прижаться, замереть.

Ирграм откуда-то знал, что теперь он невидим для людей с их слабыми глазами и ничемным обонянием. Его же собственное подсказывало, что впереди расположились четверо. И двое из них страдали животом, еще один маялся дурной болезнью. И пожалуй, жить ему оставалось не так и долго.

Костер они развели в яме, прикрыв его ветками, и дым все одно просачивался.

Прячутся?

От кого?

Он осторожно подобрался поближе. И что делать? Уходить? Тропа одна, если и вовсе это тропой можно назвать. Скала в этом месте становилась почти отвесной, и пройти можно было лишь по краю. Зато с другой стороны ветра выгрызли кусок каменной плоти. И под карнизом, который даже издали казался ненадежным, устроились люди.

Назад?

И... еще сутки отсиживаться в пещерах? Вовсе вернуться в подземелья? Дождаться, когда госпожа придет в себя и вспомнит про Ирграма? Или господин?

Нет уж.

Он прижался к камню и осторожно, почти ползком, двинулся вперед.

Шаг.

И замереть, вслушиваясь в темноту. Снова шаг.

Ночь меж тем набирала силу. И свет кривобокой луны добавил серому миру Ирграма оттенков. Теперь он видел и траву, которая казалась седой, и камни, рассыпавшиеся по тропе. Задень такой, и покатится вниз с шумом, шорохом.

Сами легли?

Или люди озаботились? Если так, то люди эти умны... и надо ли с ними связываться? Ирграм подобрался к краю тропы, заглянув в пропасть.

Если отступить назад, поискать другой путь... может, не стоило убивать того безумца? Кровь его согрела, но вдруг бы существовала еще одна, тайная дорога?

– Что делать станем? – Ирграм вздрогнул, потому как показалось, что говорят очень уж близко. Потом вспомнил, что звуки в горах разносятся далеко, да и пространство имеет обыкновение их искажать.

Да и слух у него куда острее прежнего.

Еще шаг.

– А чего тут, – ответил хриплый голос. – Ничего уже тут... возвращаться надо.

– Может, в замок? – робко заметил кто-то третий. – Наняться попробуем.

Смешок.

– Виселицу украшать? – осведомился первый. – Или думаешь, что тама такие наивные... вот урод!

Он добавил пару слов покрепче.

Интересно, о ком это.

– Надеюсь, издох в муках... а ведь как баил... придем, погодить надо будет, пока ворота откроют. А я и поверил, дур-р-рак.

Интересно. Или нет? Их всего четверо. А что четверо наемников смогут сделать, даже если им откроют ворота?

– Не спеши, – этот голос был до того тихим, что кто другой и вовсе не расслышал бы. И звучал он странно, гулко. – Время еще не пришло. Жди.

– Чего?!

– Когда ворота откроют.

– И что? Ты всерьез, Хриплый? Полезешь туда? Там же... видал? Маги, големы... ладно бы только они. Но наемники же ж. А они, если чего заподозрят, то скоренько вздернут, даже спрашивать не станут, кто за чем. Если повезет. А если нет, то... так выпросят, все свои грешки вспомнишь, с самого рождения.

Ирграм осторожно перетек под тень скалы. Не то, чтобы разговор был так уж интересен, но рядом с укрытием он ощущал себя поспокойнее, что ли.

– Я знаю... этого... бледнорожий. Тень. Ему убить, что нужно справить. А хуже того, что он знает меня.

А вот это уже интересно.

Ирграм двигался осторожно. И получалось не задевать разбросанные по дороге камни. А вот эхо сторожевого заклатья он ощутил загодя. Простенькое. Но сложное в обычный амулет не запихнешь. Прежде он бы справился. А теперь?

Все-таки отступить.

И кто эти люди? Наемники? Определенно, если знакомы с Тенью. А ведь он редко выбирается за пределы Города.

– Это не имеет значения, – спокойно отозвался Хриплый.

– Как не имеет? Нам... уходить надо.

– Куда?

– Какая разница!

– Большая. Провалишь заказ, и путь в город закроется.

Точно наемники.

Теперь Ирграм ощущал и пламя костерка, разведенного как-то так, хитро, что обычным глазом свет и не уловишь, и тепло людей, собравшихся рядом. И снова удивился тому, что все-то они были больны.

– Крыс, ты куда опять?

– Живот... крутит... чего-то там нам подсунули... спасу нет...

– Подальше отойти только, а то нас по запаху скоро отыщут.

Крыс буркнул в ответ что-то матерное, душевное. И Ирграм прижался к камню, чувствуя, как вяло меняется мир вокруг. Погасло заклятье. Зашелестели камни по скале.

– Долго мы все одно не просидим, – сказал тот, кто требовал бежать. – Вон, Вежий уже почти того... и Крысу недолго осталось. Мне тоже как-то от... такое чувство, что внутри грызет чего-то. А я ж здоровый, Хриплый. Всегда им был. Меня ни одна зараза не брала, а тут... что в том камушке?

– Надо ли тебе знать?

– Надо, Хриплый. Ты отыскал заказчика. Ты взял заказ.

– Ты не был против.

– Дурак потому что. Мне бы задуматься, что за такое простое дело и такие деньжищи. Тысяча задатка. И еще по пять на нос после дела. Теперь понятно, откуда щедрость... тысяча ладно, для мага – это не деньги, а потом... обещать – не обнищать. Знал, что не вернемся. Мы. А ты, Хриплый? Чего молчишь?

Кто-то тихо застонал.

И Ирграм осторожно скользнул ближе. Обойти людей все одно не выйдет. А вот убить – почему нет? Со здоровыми он не рискнул бы связаться, но тот, у стены, он и вправду уже отходил. Ирграм чувствовал, как жизнь покидает источенное болезнью тело. И воняло от него... проклятьем?

– И главное, задание-то... простенькое... пробраться в замок, кинуть в колодец камушек да и уйти. Тем более что дверь откроют, пропустить пропустят... и тоже вот. Непонятность. Отчего человек, который нас впустить должен был бы, сам не может камешек бросить? Он же ж все так хорошо порассказал, а стало быть или из местных, или с кем-то из местных завелся. Тогда отчего и не нанял? Почему бы просто не передать этот треклятый камушек? В деревне, скажем?

Стон сделался громче, жалобней. И оборвался бормотанием, когда человек у стены завозился, задергал рукой, будто отгоняя кого.

Еще шаг.

– Да и вовсе... сунул бы кому из стражников. За такие деньги. Согласились бы. А он нам... и тоже... можно же ж было просто пойти. Туда. Наняться. Небось, люди толковые везде нужны... – это бормотание было жалобным. – А мы туточки сидим. Почему?

– Велено ждать.

– Чего? Вон... сперва этот приперся. Магов приволок. Обложил все...

Теперь Ирграм видит. Что костерок, разложенный в яме, обложенный камушками. Что людей у него. Слабые отсветы огня, которых обычным-то глазом не уловить, ложились на лица. И лица эти ночью казались одинаковыми.

– Что в этом камне?!

Человек-тень качнулся и прижал палец к губам. Потом поднялся и подошел к тому, у стены, чтобы склониться над телом. Мгновенье и запахло кровью, запах был таким сладким, ярким, что рот Ирграма тотчас наполнился слюной.

Надо будет что-то с этим делать. В конце концов, он ведь цивилизованный человек. В прошлом. А из цивилизованных людей и нежить цивилизованной получается.

Должна бы.

– Ты меня слышишь?!

– Не ори, – Хриплый вернулся к костру. – Не знаю. Был заказ. Я взял. Тебе напомнить, в какой жопе мы пребывали? И почему? Кто провалил последние три дела? Кто сцепился

с людьми Вежника? Кто положил четверть наших в пьяной драке и нарвался на штраф? На разборки? Кто... кто бы отправился в долговую яму, если бы не поручительство заказчика? И кто бы ушел с торгов, а? Или рабский ошейник при мерить захотелось?

– Зато жив был бы!

– Возможно. Или нет. А то не знаешь, куда в городе здоровые рабы уходят... нет, Хмарь, это был наш шанс. Единственный. И из долгов выпутаться, и вообще... а что дело непростое, оно сразу понятно.

Тот, у стены, все-таки умер.

Двое.

И Крыс, который где-то рядом бродил. Ветер донес запах дерьма, и снова же – крови. Этому тоже осталось недолго. А с двумя Ирграм справится.

Как-нибудь.

– Я не знаю, что там в камне. Я... знаешь ли, магам вопросов лучше не задавать. Я лишь понадеялся, что у нас получится. Пусть не так просто, но... получится.

– И что теперь?

– Ничего. Попробуем сегодня. Возвращаться не с руки, в городе очередной неудачи не простят. Да и... подозреваю, не дойдем мы до города. А вот сделать дело, чтоб ошейник снять, и убраться.

Ошейник?

Или они про клятву? Скорее всего.

– Тень там.

– И тень. И много иного люду. Кто с ним пришел, кто с другими наемниками. Кто с этим, оглашенным... и вот я тебе скажу, что это даже с руки. Они друг друга не знают. Суэта. Беспорядок. Тихонько пробраться... ворота-то сторожат, конечно, но все не наглухо закрыли.

– Вряд ли выйдет, – в голосе звучало сомнение.

– А выбора у нас нет. Или сдохнем, или исполним дело. Тогда-то шанс будет. Но... вдвоем пойдем. Меньше народа, меньше внимания.

– Твоя правда. Крыс?

– К утру преставится.

Сказано это было с полнейшим равнодушием.

– Ждем, когда светет. Тогда аккуратно телеги из деревни потянутся. Я тут с одним мужчиком забалакал. Возьмет нас к себе. Скажет, что родственники, только одеться надо будет попроще.

Второй кивнул и прижал руку к животу.

– Муторно.

– На от, – Хриплый протянул флягу. – Попей.

И тот принял. Сделать он успел два глотка, а третьим захлебнулся. Умер быстро, если не сказать, что сразу. Хриплый же, заботливо подхватив тело, отволол его к стене, где и уложил.

– Чего тут? – Крыс сунулся под навес. Пахло от него близкой смертью.

– Отдохнуть решил. Поутру пойдем, – спокойно отозвался Хриплый. – Как ты?

– Да... крутит, сил нет. Чую, что еще немного и сдохну нахрен...

– Держись, скоро выберемся.

– А говорила мне мамка, не ходи до наемников, они тебя плохому научат. Говорила. Я не верил, дурак... ишь, урчит как. Вода есть?

Хриплый молча протянул флягу, а потом оттащил тело к первым двум. Сам же вернулся к костру, у которого и устроился. Мгновенье, и дыхание его изменилось, как и сердечный ритм. Если у Хриплого и была совесть, то воспитанная, спать не мешающая.

Оно и к лучшему.

Ирграм поглядел на тропу.

Он вполне может пройти, спуститься вниз, к болоту ли, к лесу, к собственной свободе, не потревожив спящего. А тот опасен. В нем тоже слышалось эхо болезни, которая уже обжила человеческое тело, но пока пряталась.

Человек умрет сам.

Не утром, так ближе к вечеру или через день-два, но...

Что за камень он должен пронести в замок? Артефакт? А внутри? Проклятье? Вероятнее всего. И ненаправленное, а потому задело и наемников. Хотя их не жаль, да и тех, что в замке не особо. Скорее уж любопытно. С проклятьями Ирграму доводилось иметь дело, но с простыми. А здесь что?

И так ли надобно знать?

В замке маги, как-нибудь да управятся. И... и вовсе, дело ли Ирграму нынешнему до людей? Что он от людей видел-то?

В том и дело.

Ему бы отвернуться, уйти, а он стоит, вперившись взглядом в спящего человека. И дело вовсе не в голоде. Он относительно сыт. Но...

Шаг.

К телу.

Еще один. Замереть, поскольку наемник завозился во сне. Он даже вскинулся было, уставился в ночь невидящим взглядом. Не увидел. Но все-таки почуял что-то такое, что заставило его сесть. Сидел он несколько минут, ровно, спокойно, положив руку на клинок, а вторую сунув за пазуху. И Ирграм знал, что стоит ему пошевелиться, наемник заметит.

Он и замер.

Так и стояли, пока человек не начал клевать носом. Тихо выругавшись, он снова лег. И уснул.

Смерть его была быстрой.

А вот камень упомянутый Ирграм нашел сразу. От него тянуло тьмой и болью, и будь он человеком, в жизни не рискнул бы коснуться. Но человеком он не был, а потому, урча от счастья – исходившие волны силы наполняли его тело подобием жизни – освободил камень от тряпичных пут.

Глупые люди.

Как будто тряпки могли удержать проклятье? Или защитить от него?

А камень... камень был древним. Небольшим, с ладонь. Плоским. И на первый взгляд отличался от других, которыми богато дно горных рек, лишь размерами да черным, каким-то густым цветом. Ирграм прижал камень к щеке, а потом, не удержавшись, лизнул.

Сладковатый.

И горький.

И вкус его был острым, пожалуй, едва ли не острее вкуса свежей крови. А на поверхности одна за другой проступали полузабытые руны.

Древние?

Если так, то... то это ровным счетом ничего не меняет.

Ирграм еще раз осмотрел стоянку, потом подумал и раздел наемников – одежда, выданная Алефом, уже несколько поистрепалась, так что лишняя, как бы смешно это ни звучало, лишней не будет. Подумал об обуви, но отказался. Кожа на ступнях сделалась жесткой, но в то же время он чувствовал каждую трещинку, каждый камешек. И когти опять же. Пусть не такие длинные, как на руках, но плотные, твердые.

Нет, сапоги – для людей.

Хлеб он тоже взял, как и вяленое мясо. Золото, которого у наемников осталось немного, но все-таки. И камень. Его Ирграм, разодрав одну рубашку на полосы, прикрутил к те-

лу. Так надежнее.

И приятней.

Он втянул воздух и бодрой рысцой затрусил по тропе. Если повезет, то к утру он доберется до леса. А если нет... лучше не думать.

Глава 11

Миха

Все-таки о семейных ужинах у Михи было иное представление. Но, надо сказать, он почти уже привык. Зал. Столы. Камин, в котором медленно вращается вертел с парой поросят. Свежее сено на полу. И парочка уродцев, скачущих под заунывный вой дудки. Уродцы корчили рожи и колотили друг друга.

Баронесса улыбалась.

Свита хихикала. И лишь дочери покойного барона хранили на лицах маску печали. Впрочем, к маскам Михи тоже почти привык.

– У нас праздник какой-то? – поинтересовался он тихо у Джера.

Тот, облаченный в очередной весьма пафосный наряд, вздохнул:

– Матушка считает, что мы должны показать людям силу и единство.

И за рукав себя дернул.

Рукава в нынешнем камзоле отличались какой-то совсем уж несуразностью. Широкие у плеч, к кистям они становились узкими, так, что едва рука проходила, и сам камзол делал фигуру Джера комичной: из парчового объемного шара торчали тонкие, обтянутые белыми чулками ноги.

– Жарко, – пожаловался он, поскребши пальцем шею. – Новая мода. Матушке рассказали эти вот... она и поспешила. Подбиты конским волосом и ветошью. Я пошевелиться не могу.

– Не позволяй ей сесть на шею.

– Матушке?

Баронесса о чем-то беседовала с дамами, но взгляд её внимательный скользил по залу. И Михе она улыбнулась, холодно так, с чувством собственного превосходства.

– Именно. Сперва камзол, потом жениться, потом и в жених не сходишь без благословения.

– Ты преувеличиваешь, – с некоторым сомнением произнес Джер. – Она не такая.

– Может, и не такая, – чего с человеком спорить.

– Она говорит, что скоро ты уйдешь.

– Куда?

Интересно.

– Мир спасать. Ты и Ица, и маги тоже.

Надо же, то-то баронесса так мило улыбается.

– А ты останешься.

– Я должен позаботиться о своих людях, – повторил Джер со вздохом.

– Не хочется?

– А сам как думаешь?

– Думаю, что о твоих людях есть кому позаботиться. С делами управится Такхвар, и твоя матушка. С охраной – Ар-

вис. Ты здесь нужен, как собаке второй хвост.

И вот зачем Миха это говорит? Ему что, мало нянькой быть? Наоборот бы, уверить, что права госпожа баронесса и в замке тысяча важных дел, которые никак не могут обойтись без мудрого руководства. И вообще без действующего барона ни коней подковать, ни урожай снять, ни еще чего важного сделать.

А он вот...

– Мне тоже так кажется, – кивнул Джер.

Баронесса негромко рассмеялась. И хлопнула в ладоши.

– Прошу к столу, – громкий голос её разнесся по залу, и люди, которые сидели, поспешили занять свои места. Но садиться никто не стал, дожидаясь хозяйки.

И хозяина.

Но хозяйки все-таки больше.

А вот рядом с Джером обнаружился какой-то бледный тип с длинным лицом, ранее Михой не замеченный.

– Брысь, – сказал Миха и вытащил типа из-за стола. Тот лишь моргнул, испуганно так.

Неужели и вправду рассчитывали, что Миха оскорбится и покинет высокое собрание? Или на скандал надеялись? Сомнительно. Скорее уж реакцию проверяют, поскольку тип воззарился на баронессу, а она кивнула, разрешая убраться.

– Прошу простить, – теперь она говорила, глядя на Ми-ху, слегка прищурившись, и во взгляде чудилась скрытая насмешка. – Порой... случаются недоразумения.

Джер молча опустил ся на кресло.

И покраснел.

Рядом с ним устроились кузины, сперва старшая, за нею младшая.

А Ица где?

Миха огляделся.

– Девочке стало дурно, – пояснила баронесса ласково. –

И она решила остаться в своих покаях.

Чтоб тебя... больной она не выглядела.

– Я сейчас, – Миха встал.

– Это крайне неучтиво, – произнесла одна из дам свиты, поджав губы.

– Насрать, – Миха чувствовал, что закипает. Вот что за люди? То готовы прославлять победителей, то сожрать, стоит дать слабину.

Джер тоже поднялся.

– Дорогой, – голос баронессы похолодел. – Мне кажется...

– Мне тоже кажется, – мрачно произнес Джер, – что в вашем обществе я лишний. Приятного аппетита.

И стул дернул так, что тот опрокинулся. Тут же где-то на другом конце зала взвыла дудка, и звук был до того противный, что вся собачья свора вскинулась с лаем. Загомонили люди, как-то слишком уж громко.

А и вправду... насрать.

– Погоди, – мальчишку Миха догнал у самых дверей. За ним увязалась пара стражников, но они благоразумно дер-

жались в стороне. – Выдохни уже.

– Ты видел? Ты это видел? – Джер сжал кулаки. – Нет... она села раньше меня!

– И?

– Всегда первым садится тот, кто...

– Главный?

– Да!

– Думаешь, если ты сядешь первым, то все вокруг проникнутся небывалым уважением? И сочтут, что теперь ты командуешь?

Джер потряс головой и оглянулся.

– Вон пошли! – рявкнул он на стражу.

– Людей не пугай, – Миха положил руку на плечо. – И дыши глубже. Нервы беречь надо. Не восстанавливаются.

Джер, как ни странно, успокоился. И даже сделал глубокий вдох.

– Она, она...

– Вряд ли специально. Точнее специально, но тут уж дело не в ней, скорее в том, что она тебя любит.

– И поэтому выставляет ничтожеством?

Джер опустил плечи.

– Когда она разговаривала с Такхваром про замок, я слушал. Я ведь и вправду ничего не понимаю. Ни в том, сколько должно быть масла. Или сушеного мяса. Кур, уток... сколько корма им. Козы опять же. Надои. Где я и где надои?

– В надоях я тоже не смыслю.

– Вот... а еще эти сыроварни. И маслобойки. Сколько масла могут произвести. И сколько надо продать, а сколько оставить. Кузни... где закупать железо, какое.

– Твой отец этим занимался?

– Не знаю. Чем-то да, а... но она говорит, а я слушаю. Вникаю. Пытаюсь. Но все равно не выходит, – он стукнул себя по голове. – Три ткачихи с утра до полудня дают поллоктя ткани, а... или это пряжи? Или пряжи прядут? Чем оно от ткут отличается? И мало ли поллоктя ткани или не мало?

– Дышать не забывай, – Миха похлопал мальчишку по плечу. – Когда ты вникать начал? Если толком, то дней пару? И хочешь за пару дней научиться тому, чему люди годами учатся?

– Я чувствую себя... никчемным.

– Это ты зря. Идем, а то как-то наша Императрица до того от ужинов не отказывалась.

Джер кивнул.

– Смотреть, слушать и вникать – это правильно. И что Такхвар говорит?

– Да по-разному. Но я вижу, что с матушкой ему проще.

– Проще – не всегда лучше.

– Точно, но она уже сказала ему, что если вдруг, то чтобы её спрашивал.

– А остальные? Арвис?

– Тоже. Вроде как передо мной отчитывается, но видно так, что просто матушка ему велела. А по-настоящему что,

так с ней совещаются. Я же... когда попытался влезть...

– Велели заткнуться?

– Нет, выслушали, но как... как ребенка!

– Для неё ты и есть ребенок.

В этом и проблема. Ему ведь пятнадцать. И плевать, что здесь это уже почти совершеннолетие, а то и вовсе. Жениться вон можно, умереть под стенами в героическом бою тоже, остальное – как получится. Но для баронессы он останется её мальчиком.

Тем, кого надо оберегать.

Опекать.

Защищать.

И главное, вряд ли поймет, если рассказать, до чего это все вредит. Сколько времени прошло? А вся дворня знает, кто в доме хозяин. И пусть пока за Джером номинальная власть, но реальной ему не дадут. Не потому, что делиться жалко, но сугубо из соображений безопасности.

Еще поранится.

Власть – опасная игрушка.

– Сегодня она опять говорила про женитьбу. И этих сова-ла, что... мол, ты ведь дикарь, а значит, в высоких браках ничего не понимаешь. Если уедешь без меня, точно женит.

Миха подумал и согласился.

Женит.

Не силой, так уговорами. Вздохами. Больной притворит-ся. Умирающей. А последнюю волю матушки выполнить –

дело святое.

– Так что я с вами мир спасать, – подытожил Джер.

– Куда ж без тебя.

На женскую половину их попытались не пустить. И ладно бы Миху, которому на этой половине точно делать нечего, так ведь и мальчишку.

– Никак не можно, – бормотал стражник, к дверям при- ставленный, за копыecto цепляясь. – Госпожа запретила...

Джер наливался краской и снова свирепел, а Миха думал, что, когда Миара очнется, он попросит её побеседовать с баронессой. Авось женщина с женщиной и найдут общий язык.

Если не удавят друг друга в процессе.

– Вон, – Миха произнес это почти шепотом и ткнул паль- цем в шею, отчего страж ойкнул и поспешил отступить. – Господин барон в своем праве.

Страж кивнул и за шею схватился.

С ужасом.

Ица обнаружилась в запертой комнате. И комната эта от- нюдь не выглядела роскошной. Скорее этакий закуток, в ко- тором даже окна не нашлось. Каменные стены, узенькая ле- жанка с соломенным матрацем. Одеяло, в которое Ица за- вернулась с головой, только нос торчал.

Тумба.

Кувшин с водой. И ведро.

– Что случилось? – Миха протянул руку, и девочка, слов-

но нехотя, сползла с лежанки. – Баронесса тебя заперла?

– Дура, – отозвалась Ица, подгребая одеяло. – Холодно тут.

– Прости, – краснота залила лицо Джера. – Я... я поговорю с матушкой.

Только смысла в этом разговоре не будет.

Баронесса, кажется, окончательно уверилась в своей безнаказанности. И главное, не понять, с чего бы? Что изменилось? Враги закончились? И решила, что теперь-то ей ничего не грозит?

Ица покачала головой и, взяв Миху за руку, сказала.

– Идем.

Уточнять, куда идти, Миха не стал.

Джер пыхтел сзади, кажется даже бормотал под нос то ли ругательства, то ли еще что, но не отставал. Стоило выйти за пределы женской половины, и путь преградил Арвис.

Не один.

Десяток воинов и, главное, при оружии. В доспехах.

– И что это значит? – голос Джера сорвался.

– Господин барон... – Арвис отвесил короткий поклон. – Госпожа баронесса желает, чтобы вас сопровождали надежные люди. Во избежание... проблем.

– Каких? – уточнил Миха.

Нападать? Нет, не станут. Не здесь. Место неудобное, да и мальчишка рядом с Михой, в стороне не удержится. Арвис же человек опытный, понимает, что в свалке всякое про-

изойти может.

– Разных.

Обтекаемо, однако.

– Госпожа баронесса будет рада обсудить с вами... текущие проблемы.

И приглашение. Явно убираться куда подальше.

– С удовольствием, – Миха чуть склонил голову. – Однако позже. Передайте госпоже баронессе мои искренние извинения. Однако в настоящий момент я занят.

– Чем?

– Разным.

Поняли Мihu правильно. И дорогу уступили, правда, стража осталась, нервируя.

– Она ведь не поверила? – поинтересовался Миха. – В то, что я рассказал? Что миру скоро конец?

– Нет, – признался Джер, потупившись. – Она... решила, что тебя ввели в заблуждение.

А скорее всего, что Миха строит какие-то свои, весьма коварные планы. И прикрываясь близким концом света вот-вот захватит власть.

И главное, доказывать, что на самом деле власть эта ему не нужна, бесполезно.

– Дура, – отозвалась Ица.

– Она моя мама, – Джер возмутился, но как-то совсем вяло, явно скорее потому как положение обязывало. – Она... велела принести карты. У отца когда-то был свой астролог.

Составлял гороскопы. И мне тоже. Предсказал, что я стану великим воином. Но он много пил и в конце концов с лестницы грохнулся пьяный. Шею свернул. А гороскопы остались. И в них ничего нет про конец мира.

Ица молча закатила глаза.

А вот у комнат магов обнаружались наемники, стоят, стену подпирают, будто бы вот гуляли и притомились именно в этом вот месте. И теперь старательно отдыхают, сил набираются.

– Доброго дня, – сказал Миха, и старший чуть склонил голову, ответив:

– Госпожа проснулась.

Хоть что-то хорошее на ночь глядя.

– Как она?

– Весьма сердита.

Не выпалась, что ли?

– Трое раненых ушло. Госпожа очень не любит, когда её раненые умирают, – Тень отлип-таки от стены. – Она собирается во двор.

И замолчал как-то так, выразительно, явно ожидая... чего? Вопросы? Информации?

– Что не так? – Миха устал от этих недомолвок.

– Моих людей в замке десятков. Мало. Стража вооружилась. Смотрят. Приходили. Требовали пропустить. Именем баронессы.

– Я... ничего не знал! – глаза Джера сузились. – Я должен

с ней поговорить. Сейчас.

– Не стоит, – Миха покачал головой. – Сейчас она ужинает, верно? И разговор там, при людях, лишь убедит их, что ты еще не готов быть бароном.

– Я...

– Ты сорвешься. Пара слов. Пара фраз. И получится истерика, которую тебе долго вспоминать будут.

А опытной взрослой женщине вывести мальчишку из себя проще простого. И... не этого ли она добивается? В замке много людей. И все-то они знали Джера, как бестолкового бесшабашного мальчишку, который категорически не способен на дела серьезные.

То ли дело матушка его...

Нет, они предпочли бы, конечно, мужчину. Но мужчина, который мог бы претендовать на власть, помер не без помощи Михи. И что остается? Истеричный подросток или мудрая женщина, которая давно уже управляла хозяйством? А если женщина приблизит к себе мужчину... скажем, имеющего вес при страже, то и вовсе хорошо получится.

Тень чуть склонил голову.

– Он дело говорит, мальчик.

– Я не... а впрочем, какая разница! – Джер махнул рукой. – Чтоб вас всех...

– Пороть пробовал? – осведомился Тень.

– Поздно уже.

– Пороть – никогда не поздно.

– Кого? – дверь открылась, выпуская Миару в очередном темно-вишневом платье. Выглядела она еще более осунувшейся. Пятна на лице потемнели, и казалось, что кожу Миары усыпали то ли родинки, то ли очень темные веснушки.

– Всех, – дипломатично отозвался Тень. И поклонился. – Рад видеть вас в добром здравии, госпожа.

– Какое тут здравие, – она все же зевнула, прикрыв, правда, рот рукой. – И что, мать вашу, здесь опять творится?

Миха и сам бы понять хотел.

Ица, так и не решившаяся расстаться с одеялом, попыталась было протиснуться в дверь, но была остановлена цепкой рукой.

– Куда? – поинтересовалась Миара, пытаясь одолеть зевоту.

– Туда, – Ица и на дверь показала. – Тихо буду. Там тепло.

Как ни странно, но это объяснение вполне удовлетворило магичку.

– Проследи, чтобы этот страдающий недоумок поел, – сказала она Ице и ткнула пальцем в грудь наемника. – А ты, чтобы их не прирезали тут. Или еще какой несчастный случай не приключился.

Поглядела на Джера.

– И за ним заодно. Раздобудь еды. Нормальной. Проверь. Впрочем, не мне тебя учить. И да, мне нужна твоя кровь.

Прозвучало, мягко говоря устрашающе.

– Госпожа?

– Мальчишка. С воспалением. Твоя кровь. Если хочешь, чтобы выжил, придешь. Зелья лучше работают, когда они сделаны на крови родни. Да и в целом многое сделать можно.

На сей раз поклон был куда более глубоким.

– К слову, мог бы и сразу сказать. Я бы им занялась. Все-таки давно с тобой знакомы, должна же от этого польза быть.

– Не знал, госпожа, – Тень нахмурился. – Поставил приглядывать кое-кого за сыном, а этот человек идиотом оказался. Вот в военном деле соображает, а в остальном... и не сказал сразу. Испугался.

На месте того человека Миха тоже побоялся бы признаться, что едва не угробил подопечного.

– Здесь и узнал. Я... в долгу.

Миара величественно кивнула. Отказываться от такого долга она не станет. И правильно.

– Идем, – это уже Михе.

Джер оглянулся.

– Приглянь, – Миха кивнул на дверь. – Я не знаю, что происходит, но маг пока слаб, твоя невеста вообще ребенок. А наемников здесь немного. И если твоей матери взбредет в голову... что-нибудь, то защитить их будет некому.

Такая постановка вопроса заставила мальчишку вздернуть подбородок выше. И глаза его сузились, а рука легла на рукоять меча.

– Пока я здесь, никто не посмеет...

– Именно. Пока ты здесь. А вот отойдешь, тогда и посме-

ют, и не только.

Джер нервно кивнул.

– Тень, приведи сюда еще людей, – добавила Миара, приподнимая юбки. – Надежных. Пока я с этой... блаженной не побеседую... хотя и тогда пригодятся. Надежные люди всегда пригодятся.

Глава 12

Лазарет или подобие его устроили рядом со скотным двором, прямо под старым навесом, под который вывалили пару тюков соломы. Здесь же нашлось место кривобокому столу, паре ведер и старому выдолбленному бревну.

– Госпожа баронесса боится заразы, – тихо произнес раб, приставленный к раненым. Был он стар, горбат, но достаточно крепок. И глядел уже почти без страха, так, с небольшой опаской.

А раненых было немного.

Косматый мужик с распоротым боком, пяток с ожогами разной степени, впрочем, заживающими уже. И знакомый Михе мальчишка.

Он лежал чуть в стороне, на дощатой кровати, явно сколоченной наспех. Поверх досок кинули матрац и даже простыню отыскиали. Впрочем, сейчас она была смята. А мальчишка метался в бреду. Его тело, покрытое то ли потом, то ли слизью, каталось по простыням. Сквозь сведенные намертво зубы не вырывалось ни звука, но сами они были желты, некрасивы. Черты лица его обострились.

И Дикарь, очнувшийся впервые за долгое время, любезно предложил несчастного добить. Все одно толку не будет.

– Проклятье, – Миара положила руку на лоб мальчишке, и тот дернулся было, но тут же затих. – Что смотришь? Воду

неси! Холодную. И много.

Это уже было сказано рабу, который на корточках сидел у постели.

– Он умрет?

– Возможно, – Миара прикрыла глаза и протянула вторую руку. – Дай.

– Что?

– Руку. И не заставляй меня думать, что у тебя меньше мозгов, чем оно есть на самом деле.

Миха спорить не стал и подчинился. Раздражена? Не без повода. И холодные пальцы обвили запястье.

– Я кое-что поняла, – голос Миары стал спокойнее. – Точнее... надо подумать. Потом. Но в остальном...

Холод от пальцев проникал сквозь кожу. Неприятное чувство. Будто тянут изнутри что-то.

– Но в целом... связь всегда двусторонняя. И стало быть, я могу ей пользоваться, – она разжала руку, и Миха уставился на красные пятна. Словно ожоги. – Действительно могу.

– И что это было?

– Силы, – магичка повернулась спиной. – Мне нужны силы. А их нет. И я могу взять их у тебя, что довольно странно. Но раз так...

Парень опять захрипел, но Миара погрозила ему пальцем.

– Не вздумай сдохнуть. Твой папаша мне еще нужен. Помоги. Вот так, разожми ему зубы. Руку на лоб, вторую – на подбородок. И тяни. Аккуратно! Мне не очередной перелом

нужен.

Сама она ловко сунула палец в рот парню, куда-то за щеку. А потом он взял и раскрыл рот, в который Миара поспешно затолкала какой-то то ли листок, то ли клок высушенной бумаги. И язык придавила.

– Обмывай, – это снова рабу. – Губкой и осторожно, старайся не повредить кожу. А ты держи.

– Держу.

Парень лежал спокойно и уже не пытался сомкнуть челюсти.

– Что с баронессой? – Миха спросил это очень и очень тихо. – Она производила впечатление разумной женщины. А тут вдруг... и девочку заперла.

– Эту взаперти не удержишь.

– Да, но... вдруг ей еще что в голову взбредет?

– Не знаю, – Миара оттянула одно веко, затем другое. Щелкнула пальцами, создав искру. – Зрачки плохо реагируют. Опять интоксикация. А у него почки работают едва-едва... и скажи своей малявке, что если ей опять вздумается меня усыпить, я не посмотрю, что она императрица, выдеру так, что сидеть не сможет. Еще немного и он ушел бы.

– А теперь?

– Теперь? – Миара хищно оскалилась. – Пусть попытается. Отпускай. Кстати, где Ирграм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.